

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«Красноярский государственный педагогический университет
им. В.П. Астафьева»

Институт (Факультет) Филологический факультет

Кафедра Мировой литературы и методики ее преподавания

(Абрамова Анастасия Юрьевна)

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

Тема Репрезентация образа Григория Распутина в культурном контексте

XX-XXI

Направление Педагогическое образование

Магистерская программа Литературное образование

Допущена к защите

Заведующий кафедрой

Доцент, кан. фил. наук Липнягова Светлана
Геннадьевна

(ученая степень, ученое звание, фамилия, инициалы)

Руководитель магистерской программы

Доцент, кан. фил. наук Липнягова Светлана
Геннадьевна

(ученая степень, ученое звание, фамилия, инициалы)

(дата, подпись)

Научный руководитель

Доцент, кан. фил. наук Гайдукова Евгения
Борисовна

(ученая степень, ученое звание, фамилия, инициалы)

(дата, подпись)

Студент

Абрамова А.Ю.

(фамилия, инициалы)

(дата, подпись)

Красноярск 2015 г.

Содержание

Введение	3
Глава I. Образ Григория Распутина в культурном контексте эпохи начала XX века: истоки мифологизации личности	13
1.1. Император Николай II и Россия в его время: культурно-исторической контекст эпохи.....	13
1.2. Феномен Григория Распутина в оценках современников и историков.....	25
Глава II. Образ Григория Распутина в культурном контексте XX-XXI вв.	40
2.1. От исторической личности к культурному архетипу: мифологизация и демифологизация как ключевые механизмы культурного сознания.....	40
2.2. Репрезентация образа Григория Распутина в литературной традиции XX-XXI вв.....	63
2.3. Репрезентация образа Григория Распутина в различных формах медиакультуры.....	87
Заключение	96
Список литературы	98
Приложение	103

Введение

С течением времени многие жанры, образы, сюжеты претерпевают трансформацию в большей или меньшей степени. Каждой культуре свойственен свой сюжетный репертуар, который отражает дух эпохи, интересы современников. Но есть и такие сюжеты, которые трансформируются, но остаются востребованными на протяжении нескольких эпох. Это так называемые «бродячие» сюжеты, легендарные сюжеты, собственно мифотворчество, когда о политической или культурной исторической фигуре сознательно создаются мифы

Искажение истории, как таковой, искажает в свою очередь исторические личности, события, топосы и т.д. Процесс искажение, перевирания или придумывания тех или иных событий, личностей, для достижения различных целей - процесс мистификации. Вокруг данного процесса постепенно складываются *легендарные сюжеты*, например, сюжет о мифологизированном Иване Сусанине - проводнике. Под процесс мистифкации попадают и образы топосов, например, образ *Сибири*, как образ экзотический, таинственный и, в какой-то степени, потусторонний.

Одними из самых мифологизированных персонажей в русской истории мы можем считать: Александра Невского, Ивана Грозного, Петра I, Ивана Сусанина, Ленина и др. Такой исторической фигурой стал и Григорий Распутин, который появился в Санкт-Петербурге в 1903 году, а уже в 1905 году о нем говорили все. Биография Григория Ефимовича Распутина исследуется по сей день. И по сей же день появляются домыслы и догадки о его личности, которые рождают все больше различных, а порой противоречивых сюжетов. Так образ Григория Распутина утратил историческую конкретность и достоверность и стал осмысляться как культурный герой, что является результатом мифологизации реальной исторической личности. Григорий Распутин в дискурсивном пространстве XX-XIX вв. выступает как святой старец, как воплощение дьявола, как немецкий шпион, как жертва светских интриг, как

мошенник, выдающий себя за пророка... Список ипостасей может быть продолжен, при этом его «личины» часто настолько противоречивы, что кажется порой невозможно соотнести их с одним и тем же человеком. Тем не менее, сохраняются биографические данные, которые ни как не противоречат различным трактовкам личности. Это позволяет считать образ Распутина одним из культурных архетипов, который находит свое отражение в разных культурных эпохах.

Образ Распутина еще при жизни оброс легендами. Интерес к его личности, подогретый загадочностью и «нераскрытостью» образа, не угасает и сейчас. Уже современники Распутина делали его героем своих произведений (Н. Тэффи, Н.С. Гумилев, Н. Клюев), с 1917 года Распутин - герой кинематографа, в немых фильмах, демонизирующих Гришку Распутина. В наши дни существует множество литературных трактовок образа, он активно используется и в различных медиальных форматах. В России «распутиниада» [27, с.16] богата иконографическим дискурсивным разнообразием - в ней соседствуют образы святого и демонического, хитрого политика и жертвы политических интриг, простого сельского крестьянина и участника политических интриг. При бросающемся в глаза многообразии интерпретаций, большинство из них можно довольно четко классифицировать: часть трактовок стремится очернить историческую личность, другая часть – оправдать, иногда - возвеличить. Безусловно, все позиции трудно назвать объективными.

На сегодняшний день не существует сколько-нибудь полного беспристрастного исследования, посвященного изучению именно репрезентации образа Григория Распутина в культурном контексте XX столетия. Мы полагаем, что настоящая магистерская диссертация способствует хотя бы в малой степени восполнению этого пробела. Мы планируем рассмотреть образ Распутина с разных позиций, проследить как он трансформируется в литературных жанрах и медийных формах разных лет, отбросив полярные и гипертрофированные оценки его поклонников и ненавистников. Именно этим обусловлена **актуальность** нашей работы: в давно назревшем исследовании об

особенностях репрезентации образа Григория Распутина как культурного архетипа в произведениях художественной литературы и иных формах медиакультуры.

В последнее время в отечественной гуманитарной науке усилился интерес к Григорию Распутину как исторической личности. Появляются все новые исследования, на телевидении выходят в эфир документальные передачи, дискуссии. Все это, однако, не снимает противоречий и не разрешает загадок, а только усиливает парадоксальность образа Распутина и сбивает интересующегося читателя/зрителя с толку.

Как мы уже обозначили выше, трактовок образа Григория Распутина множество. Разнообразие трактовок касается не только непосредственно личности Распутина, но и его роли при дворе, общественной жизни начала столетия, его поведения в обществе и, с так называемыми, учениками (в большей степени женщинами).

Уже в работах современников намечалось противоречивое видение образа "старца". Так мы видим роль Распутина при Дворе в воспоминаниях личного камердинера Императрицы Александры Федоровны А.А. Волкова, который приводит высказывания В.Н. Гурко о том, что «в особенности вреден и преступен был не Распутин, а та среда, которая его воспринимала, из неудержимого желания *per fas et nefas*, либо разыгрывать политическую роль, либо проникнуть к власти, либо достигнуть почестей и материальных благ» [16, с.12]. Распутин был жертвой, которую использовало общество ради достижения своих целей, он лишь распускал «гнусные сплетни» во время пьяных оргий в разных приютах о своей близости к царской семье.

Илиодор (Сергей Труфанов) же пишет о Распутине, как о дьяволе во плоти, способном одним своим взглядом сбить праведного с пути [30]. В воспоминаниях Г.И. Шавельского Григорий – не демон в человеческом облики, не святой мученик. Он, Григорий Распутин, сибирский мужик, который сумел стать авторитетом даже для царской семьи. По Шавельскому, Распутин зло, но не потустороннее, мистическое, а земное, вредитель, стоящий у трона [69].

Нет однозначности и в современных исследованиях. Историки, биографы в своих трудах опираются на воспоминания современников «старца», изучают архивные документы, доносы на Григория Распутина, слухи, на основании чего делают выводы. В результате получается та же картина, что и в воспоминаниях. Уже наши современники либо находят для себя доказательства святости «отца Григория», либо убеждаются в его связи с «нечистой силой» или в том, что Гришка Распутин – обычный сибирский мужик, который стал орудием в руках немецких шпионов, придворных группировок и так далее.

Так, например А.Н. Боханов в своих работах претендует на объективный взгляд на "старца" и говорит о нем, как о человеке, подвергшемся "черному пиару". Исследование направлено не на очернение или превознесение исторического лица, а на установление действительных фактов, подмененных сплетнями и слухами, решение вопроса как и почему возникла "распутинская легенда" [11].

Филолог и исследователь истории русской литературы XX века А.Н. Варламов, говорит о Распутине, как об участнике хлыстовских радений, заговоров, соблазнителе [13].

В историко-литературном исследовании В.А. Возчикова, Ю.Я. Козлова К.Г. Колтанова образ Григория Распутина интерпретируется, как образ «таинственного сибирского пророка» [15, с.3] волей случая втянутого в «политические игры». Малограмотному крестьянину внушили, что он имеет дар от Бога и, такие силы как, большевики, немцы, придворные группировки, использовали «отца Григория» в своих корыстных целях [15, с.8].

И.В. Евсин приводит аргументы, так же казалось бы, убедительные и достоверные, в пользу праведности Григория Распутина, само название работы говорит за себя: "Оклеветанный старец" [27].

В другой своей работе И.В. Евсин в доказательство правоты своей точки зрения приводит ряд ученых, историков и священнослужителей, почитающих "старца", один из них, упомянутый нами выше А.Н. Боханов:

«Получается, что антираспутинцы не верят старцам. Кому же они верят? Иудею

Арону Симановичу с отрекшимся от Господа Сергеем Труфановым? Извращенцу Феликсу Юсупову с сатанисткой Жуковской? Предателю монархии Пуришкевичу и иже с ним... имя им легион. Современному лжеисторику Радзинскому? Но почему бы не поверить современному добросовестному исследователю жизни Распутина, доктору исторических наук Александру Боханову? Почему не поверить доктору филологических наук Татьяне Мироновой, которая является специалистом по архивному делу? Не поверить Олегу Платонову, который работал в рассекреченных архивах Комитета государственной безопасности СССР и в практически недоступных зарубежных архивах? А сколько богословов, архиереев и священников, исследуя жизнь Распутина, пришли к мнению о том, что он был оклеветан! Например, митрополит Ташкентский Викентий, архиепископ Амвросий (Щуров), приснопамятные архимандрит Георгий (Тертышников) и пострадавший за веру в советских тюрьмах священник Димитрий Дудко, протоиерей Валентин Асмус, протоиерей Артемий Владимиров, монах Оптиной пустыни, известный духовный писатель Лазарь (Афанасьев) и многие другие»

[27, с.40].

Нужно упомянуть и о художественных трудах И. Евстина, посвященных "оклеветанному старцу", в основном это небольшие притчи, превозносящие образ Распутина. Но в литературе о Григории Распутине преимущественно репрезентирован сниженный образ старца. Наряду с описанием «чудес», которые творил Распутин, присутствуют описания и хлыстовских радений, и дьявольского магнетизма его глаз. В его образе святость и греховность как бы сливаются в одно целое. Он одновременно и "старец" праведный и искуститель, толкающий на не богоугодные поступки. При этом мы не можем сказать, что его образ прост и вся его специфика заключается лишь в полярности его характеристики.

И в художественной литературе, и в воспоминаниях современников прослеживается некоторая закрытость образа:

«...скажет что-нибудь и сейчас всех глазами обегает, каждого кольнет, что, мол,

ты об этом думаешь, доволен ли, удивляешься ли на меня? В этот первый момент показался он мне немножко озабоченным, растерянным и даже смущенным. Старался говорить “парадные” слова»

[64, с.380].

Существует и множество других примеров, доказывающих некую «карнавальность» образа Григория Распутина. «Ах, как тебе надо знать, ну, кто я такой, А не все ль равно, али черт, али святой», - загадка, которая остается неразгаданной [43, с.168]. М. Бахтин в работе, посвященной Ф. Рабле, писал о том, что карнавальный смех разрушает стереотипы относительно мирового порядка, все привычные связи в мире. Всенародный, объединяющий смех карнавальной культуры связан с праздником, светом, обновлением, он универсален и направлен одновременно и на самих смеющихся [7, с.350]. «Смех» же Григория Распутина – игра на публику. «Карнавал» Распутина (очень хорошо это видно в повести Тэффи «Распутин», в романе Б. Акунина «Странный человек») нельзя связать с праздником, его нельзя так же считать обновляющим, в нем нет ничего светлого, скорее наоборот он отталкивает и вызывает ужас. Это скорее удачная попытка скрыть истинную натуру. Шутовство, лицедейство, множество масок Распутина доказывают индивидуальность образа, его непохожесть на других праведных старцев (о. Сергей Л.Н. Толстой) и старцев грешных (Пафнутий «Таис» А. Франс).

Литературный образ Г.Е. Распутина, его многообразные медийные репрезентации в большей степени оторваны от прототипа. В своем исследовании мы не ставим перед собой задачу выяснить, кем же был на самом деле Григорий Распутин; это дело историков, наша **цель** гораздо скромнее и лежит исключительно в рамках литературоведения: определить ключевые аспекты мифологизации и трансформации образа Григория Распутина в культурном контексте конца XX-XXI вв.

В соответствии с поставленной целью нами сформулированы следующие **задачи**:

1. охарактеризовать культурно-исторический контекст эпохи начала XX

века, в которую возник и оформился «феномен» Распутина;

2. установить черты, формирующие инвариантный образ Распутина как культурного героя в XX столетии;

3. выявить аспекты трансформации образа Распутина в произведениях русской литературы XX – начала XXI вв.

4. определить особенности репрезентации образа Распутина в различных формах медиакультуры XX – начала XXI вв.

Объектом нашего исследования является поэтика художественного образа в литературных текстах разных жанров и его репрезентация в различных формах медиакультуры.

Предмет исследования: особенности трансформации образа Григория Распутина в культурном контексте XX-начала XXI вв.

Материалом для исследования послужил ряд произведений художественной литературы: Н. Гумилев "Мужики", 1916 г. – стихотворение, Н. Клюев "Из Красной газеты", 1918 г. – стихотворение, Тэффи "Встреча с Распутиным", 1930 г. – рассказ, А. Труайя "Распутин", 1966 г. – повесть, В. Пикуль "Нечистая сила", 1989 г. – роман, В. Оксиковский "Распутин", 1992 г. – стихотворение, Ж. Бичевская "Старец одухотворенный", 2002 г. – стихотворение, Б. Акунин "Станный человек", 2009 г. – роман, И. Евсин "Мне с ним не сравняться", 2013 г. – притча.

литература non-fiction, а именно - воспоминания современников о Г. Распутине:

1. Илиодор "Святой черт"
2. В.М. Пуришкевич "Убийство Распутина"
3. В.М. Пуришкевич "Как я убил Распутина" (дневник)
4. А.А. Вырубова "Дневник и воспоминания"
5. Г.И. Шавельский "Воспоминания последнего Протопресвитера русской армии и флота"
6. В.Н. Коковцев "Из моего прошлого"
7. Матрена Распутина "Распутин. Почему?"
8. Ф. Юсупов "Как я убил Распутина",

а также различные формы медиальной культуры: фильмы (художественные: «Агония» (режиссер: Элем Климов, 1981 г.), «Заговор» (режиссер: Станислав Либин, 2007), «Распутин» (режиссер: Жозе Дайан, 2013 г.). Документальные: «Голубая кровь. Гибель империи» (режиссер: Виталий Якушев, Ирина Чернова. Россия-1, эфир от 13.11.2013), «Загробные приключения Григория Распутина» (режиссер: Иван Саутов. ТВ передача «Поедем в Царское Село», канал «Культура», эфир от 16.06.05). Мультипликационный фильм – «Анастасия» (реж. Дон Блут и Гэри Голдман, 1997), песни, портреты, иконы и псевдоиконы, а также случаи использования имени и образа Распутина в коммерческих целях (в качестве торгового бренда).

В качестве ведущих **методов исследования** нами были использованы культурно-исторический, описательный, сравнительно-сопоставительный, структурно-типологический, мотивного анализа, а также элементы биографического и мифопоэтического методов.

Методологическую базу исследования составили фундаментальные труды по литературоведению таких ученых, как Бахтин М.М., Гаспаров М.Л., Гинзбург Л.Я., Корман Б.О, Лотман Ю.М., Хализев В.Е., Эйхенбаум Б.М. При рассмотрении культурного и социально-политического контекста эпохи начала XX века мы опирались на работы Л.М. Горюшкина, В.Р. Лейкиной-Свирской, В.Н. Коковцева, Э.С. Радзинского. При разработке вопроса об изучении «феномена Распутина» для нас имели значения исследования А.Н. Боханова, Э. Хереш, А.Н. Варламова, А.В. Терещука. Анализируя особенности трансформации образа Распутина в литературе и медиакультуре рубежа XX-XIX столетий, мы опирались на исследования В.В. Блажеса, Е.Б. Гайдуковой, М. Липовецкого, И. Кукулина, Ф.Б. Шенка.

Несмотря на множество работ, посвященных Григорию Распутину, как историческому деятелю, мы не обнаружили ни одного источника анализа художественного текста, репрезентирующего образ Распутина. Так же нет сопоставительного анализа в русле трансформации и мифологизации образа Григория Распутина в разных художественных текстах. Настоящее

диссертационное исследование призвано хотя бы в некоторой степени восполнить данный пробел, чем обусловлена **научная новизна** нашей работы.

Научно-практическая значимость диссертации обусловлена возможностью использования содержащихся в работе материалов, положений и выводов в общих лекционных и специальных курсах по истории русской литературы конца XX – начала XXI вв. в высшей школе, в частности, при создании научно-методических и учебно-методических пособий для студентов филологических факультетов. Работа представляет интерес для педагогов дополнительного образования, составляющих авторские учебные программы по истории русской культуры. Результаты исследования также могут быть использованы при составлении словарей сюжетов и мотивов, в эдиционной практике при составлении комментариев к текстам русских авторов.

Апробация работы. Отдельные результаты исследования изложены автором в форме доклада на VII Международной (XI Всероссийской) научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых.

Положения, выносимые на защиту.

1. Образ Григория Распутина давно оформился в культурный архетип, вышел за рамки одной эпохи и представляется открытым для многочисленных творческих интерпретаций.

2. Художественная литература различных культурно-исторических эпох и жанров, варьирующая образ Григория Распутина, репрезентирует основные факты его биографии как мифологемы и устойчивые сюжетные мотивные блоки: 1. Мотив происхождения из Сибири; 2. Мотив странствия; 3. Мотив-характеристика Петербурга; 4. Мотив дружбы «старца» и царя; 5. Мотив духовного наставничества; 6. Мотив чудес; 7. Мотив мученической смерти; 8. Мотив-внешняя характеристика старца.

3. Сюжеты о Григории Распутине могут представлять собой как последовательное и (в разной мере) достоверное описание жизни «старца» с авторскими интерпретациями (например, А. Труайя, В. Пикуль), так и

совершенно вольное или выборочное интерпретирование отдельных периодов жизни Григория Распутина (например, Тэффи, Б. Акунин).

4. Наиболее устойчивым аспектом при создании образа Распутина является его амбивалентная рецепция – он понимается или как «святой», или как «черт».

5. На протяжении XX века и в начале XXI столетия образ Распутина получает возможность перемещаться в медиaprостранстве, трансформироваться внутри медиальных сред (художественная литература, в кинематограф, музыкальное (песенное) и изобразительное искусство), что доказывает его подлинно мифологическую сущность как культурного архетипа.

Структура работы: классическая - введение, две главы, заключение, список литературы, насчитывающий 72 наименования.

І Глава

Образ Григория Распутина в культурном контексте эпохи начала XX века: истоки мифологизации личности

1.1. Император Николай II и Россия в его время: культурно-исторической контекст эпохи

Данный параграф мы посвящаем общему обзору политики и реформ, проведенных во время правления Николая II с целью установления результатов их отражения на уровне жизни разных слоев общества. Данная задача поможет более объективно охарактеризовать время правления и образ Николая II Романова.

Сложно дать однозначную характеристику эпохи начала XX столетия в целом. С одной стороны – это время необычайного взлета русской культуры. Расцвет культуры проявлялся в литературе, музыке, народном зодчестве, декоративном искусстве и художественных промыслах. С другой стороны – революции и войны, в которые была втянута Россия. В конце XIX – начале XX вв. в Европе созданы два враждебных блока: тайный союз Германии и Венгрии против России и Франции. Как следствие: открылся новый этап в истории международных отношений, связанных с углублением противоречий в Европе и ожесточенной борьбой великих держав за дальнейший раздел мира на сферы влияния [66].

В 1894 году умирает император Александр III. Уже через полтора часа после смерти отца новому Императору Николаю II присягали должностные чины. Николай II пришел к власти, когда Россия находилась на пути реформ, когда уже оформилась народническая идеология с двумя направлениями: революционное и либеральное, которые своими программами выражали недовольство господствующего строя, когда уже оформилось рабочее движение и превратилось в острейшую политическую проблему.

В начале своего правления Николай II заявил, что перемены существующего строя не будет, правительство будет продолжать начатую политику:

- вся законодательная и исполнительная власть по-прежнему сосредотачивалась в руках царя;
- сохранялись сословная организация общества и привилегированное положение дворянства при политическом бесправии населения и отсутствии демократических свобод;
- продолжалось нерешенность аграрно-крестьянского вопроса при размывании сословной структуры и изменении социального лица помещиков и крестьянства
- наблюдалось развитие рабочего движения.

Острота сословных, классовых и национальных противоречий обуславливала социальную напряженность, которая привела к социально-политическому кризису в начале XX в. и революции 1905-1907 гг.

Правление Николая II было ознаменовано и вошло в историю такими событиями как:

- 1894 г. «Ходынская давка»
- 1900 г. празднование 1 Мая в Харькове с лозунгом «Долой самодержавие!»;
- 1903 г. всеобщая стачка рабочих Юга России
- 1904 г. – всеобщая стачка рабочих в Баку, требующих созыва Учредительного собрания, прекращение Русско-японской войны, установление 8-часового рабочего дня.

Таким образом, в начале XX века, во-первых, наметился социально-политический кризис (рабочее движение набирало обороты, а к 1904 году достигло значительного размаха и крестьянское движение, сформировалось и движение демократической интеллигенции). Создание нелегальных политических партий – еще одно проявление нарастания социально-политического кризиса. Во-вторых, крестьянское движение наглядно демонстрировало остроту аграрного вопроса. В третьих, сформировавшееся национальное движение требовало национальной автономии, что явилось

одним из проявлений социального кризиса в России. В четвертых в 1904 году началась Русско-японская война, а в 1905-1907 гг. прогремела революция – естественное продолжение социально-политического кризиса XX в. Как следствие революционных действий в России возникла новая система политической организации государства, получившая название «третьеиюньская монархия», в которой сосуществовали самодержавие и парламентаризм в форме Государственной думы.

Рабочий, национальный и аграрный вопросы сохранили свою социальную остроту и необходимость ее решения правительством. По рабочему вопросу Дума пять лет обсуждала четыре законопроекта о продолжительности рабочего дня, о страховании и пенсии рабочих. Принятый в 1912 году закон лишь создавал видимость заботы правительства. Аграрный вопрос привел к Столыпинской реформе (отказ от общинного и переход к частному крестьянскому землевладению). Национальная политика проводилась под лозунгом «Россия для русских», ее мероприятия не находили поддержки у окрепшей национальной буржуазии.

Закатом правления Николая II Романова были Февральская и Октябрьская революции (1917), Первая мировая война 1914-1918 гг., в которой участвовало тридцать восемь государств [45].

Таким образом, очевидно, что эпоха правления Николая II полна противоречий. Реформы, революции, войны получают освещение в культурной деятельности общества, появляются новые литературные течения, общества, кружки, салоны. Несмотря на авторитарный режим правления, общество выражает недовольство теми или иными реформами: выходит на улицы с лозунгами и транспарантами, представители различных движений (рабочего, крестьянского или национального) выпускают различного рода программы и манифесты.

Опираясь на воспоминания М.Г. Распутиной, В.А. Возчикова, К.П. Победоносцева и других современников эпохи правления Николая II, попытаемся реконструировать образ светского общества его интересы,

ценностные ориентиры.

Князь Н.Д. Жевахов полагал, что в аспекте духовности столица представляла благодатную почву для духовных посевов [15, с.7]. Несмотря на реформаторскую политику государства и революции, светское петербургское общество искренне интересовалось духовно-религиозными проблемами. В салонах столичной знати возникали всевозможные общества и содружества, основанные не религиозной почве. За небольшой промежуток времени сформировались: общество распространения Священного Писания в России, Христианское содружество молодежи, Общества распространения христианского просвещения, Общество Единения, Братство Святителя Иоасафа и другие объединения.

Однако некоторые современники высказывают и полярную точку зрения, сравнивая Петербург того времени с Содомом. М.Г. Распутина, описывая светское общество, вспоминает, что пределами «шалостей» могли служить лишь границы воображения. В ходу была самая низшая литература. Приглашение на спиритический сеанс – хороший тон. Даже видные материалисты не были чужды этому занятию. В вызывании духа не видели ничего предосудительного и продолжали считать себя христианами. Одни только и говорили о карме, реинкарнации, об Учителях, другие посещали лекции мистиков, третьи искали смысл жизни в дыхательной гимнастике и медитации по методу йогов [58, с.69].

Проявляя интерес к религии, великосветское общество развлекалось кутежами и пьянками. В обществе, как в едином организме, боролось два начала: высшее и низшее. С одной стороны, общество рубежа веков тянулось к религиозным (православным) кружкам и объединениям, с другой – стремились к мистицизму, возвращались к языческому началу, кощунственному отношению к православным ценностям.

Сам император проявляет интерес к темам подобного рода. На протяжении всего правления Николая Романова в царском Дворе появлялись загадочные «апостолы мистицизма», таинственные гипнотизеры и пророки будущего, к

которым была внимательна мистически настроенная императрица Александра Федоровна. [15, с.7]. Пользуясь страстью императрицы к мистическому разрешению проблем, во дворце появляется множество старцев, пророков, юродивых: Филипп, Папюс, епископ Феофан, Митя Коляба, блаженная Паша, босоногий странник Вася Ткаченко, босоножка-Матренушка, австриец Шенк, Даша Осипова, богомолец Антон, Григорий Распутин. Император так же прислушивался к их пророчествам.

Одной из задач, поставленных нами в рамках данного параграфа, является попытка уяснения и описания образа Николая Романова в культурно-историческом контексте эпохи. Выше мы рассмотрели лишь частную составляющую его образа – интерес к мистицизму. Но данный факт не является исчерпывающей характеристикой Николая II. Далее мы рассмотрим образ императора в историческом контексте, опираясь на его собственные дневниковые записи; различные интерпретации образа в годы Первой Мировой войны, опираясь на исследования современных историков и некоторые воспоминания современников императора.

Итак, при составлении портрета царя Николая II будет логичным обратиться к его дневниковым записям, сохранившимся до наших дней в различных источниках. Здесь мы опираемся на доступные для нас труды Э.С. Радзинского «Николай II. День последний», «Николай II. Жизнь и смерть», в которых приведены выдержки дневниковых записей Николая Романова и непосредственно сам Дневник императора.

Дневники Николая II – это то, что выдает его истинного, настоящего. Так как дневниковая запись предполагает искренность и откровенность, мы можем сделать вывод, что ни один современник, как бы он хорошо не был знаком с царем, не сможет охарактеризовать его более точно. В 1888 г. император пишет:

«...этот костюмированный бал мне очень понравился. Все дамы были в белый платьях, а мужчины в красном... Танцевал мазурку и котильон»

[54, с.28].

Перед нами запись, характеризующая пылкого, веселого, беззаботного юношу, не отягощённого жизненными трудностями. На момент записи Николаю было двадцать лет; данный возраст оправдывает подобного рода праздность.

За два года до вступления на престол (в 1892 г.) в его дневнике появляется запись, характеризующая ее автора как легкомысленного, не серьезного, ленивого молодого человека, не готового взойти на трон:

«...утром принимал целый воз бумаг из Государственного совета и Комитета министров. Просто не понимаю, как можно успеть в одну неделю прочесть такую массу бумаг. Я постоянно ограничиваюсь одним-двумя делами, самыми интересными, остальные идут прямо в огонь <...> Проснулся в обрез к обедне, я так крепко сплю, что меня даже в отчаяние приводит»

[54, с.43].

Здесь только начинают проявлять те качества, за которые позже император поплатится своей репутацией. Лень, несерьезный подход к делу, несамостоятельность – характеристики не должны быть присущими наследнику трона.

Все последующие записи Николая Романова ничуть не отличаются от процитированных нами выше, большая часть записей императора – это сентиментальные признания в любви жене, описание прогулок в саду, учет выпитого вина. Кажется, подобные записи были бы уместны в дневнике чувствительного и сентиментального помещика XIX столетия, но они обнаруживаются в бумагах правителя огромной империи и вызывают недоумение.

Наше предположение подкрепляет и мнение современного российского историка и историографа, доктора исторических наук А.Н. Боханова, который в своей работе, посвященной биографии Николая II, отмечает, что царь:

«простой в обращении, без всякой аффектации, Он имел врождённое достоинство, которое никогда не позволяло забывать, кто Он. Вместе с тем Николай II имел слегка сентиментальное, очень совестливое и иногда очень простодушное мировоззрение старинного русского дворянина <...> Он

мистически относился к Своему долгу, но и был снисходителен к человеческим слабостям и обладал врождённой симпатией к простым людям — в особенности к крестьянам. Зато Он никогда не прощал то, что называл «тёмными денежными делами»»

[9, с.128].

Это, безусловно, характеристики положительного со всех сторон человека, но не государя Великой державы.

Изучив дневниковые записи Николая II, мы обнаружили и его крайнюю степень нежности и любви к семье. Император предстает перед нами как олицетворение идеального семьянина:

«...Погода была серая. Имел обычные три доклада. Завтракали: Ольга, Петя и Руднев (деж.). Гулял. После чая по обыкновению зашел на детскую проститься с детьми. Маленькое «сокровище» поправилось и стало мило бесконечно. Обедали: Ксения, Миша, Ольга, Сандро и Руднев. Миша и Сандро играли на бильярде, а я сидел у себя до чая...»

1906 г. 12-го марта. Суббота.

[25, с.10]

Гармоничные картины совместных трапез, нежные игры с детьми, проявление отцовской заботы характеризуют царя как нежного мужа, любящего отца. Стоит обратить внимание на то, что о государственных делах Николай II упомянул лишь в одном коротком предложении. Почти вся запись посвящена описанию того как отец прощался с детьми, его трогательное умиление «сокровищем» – доказательство того, что в первую очередь Николай II прежде всего отец и семьянин, а уж потом правитель Великой державы.

Мы не утверждаем, что все записи Романова – отчеты семейной идиллии. Мы говорим лишь о большей части дневника, об общем настроении и установлении акцентов. Закономерно, что к 1912 году общий тон, настроение сменяется на более меланхоличное и тревожное.

«23 июля в Зимнем дворце, в помещении склада (имп. Александры Федоровны) по изготовлению предметов на нужды армии, состоялось заседание, посвященное годовому отчету о деятельности склада. На заседании присутствовала вел. княжна Ольга Николаевна»

Николай II в своих немногочисленных записях о делах государственных допускает неточности. Великая княжна Ольга Николаевна была почетной председательницей Особого Петроградского комитета по оказанию помощи «семьям лиц, призванных на войну». Заседания этого комитета также происходили в Зимнем дворце.

Итак, образ, который мы реконструировали на основании дневниковых записей, не соответствует образу императора Великой державы. Выше мы приводили примеры записей, доказывающих сентиментальность, нежность, трепетность Николая II, в отношении семьи. Дневник Императора Всероссийского – заметки «доброе малое» помещика, безгранично любящего свою семью, свободу от рутинных должностных обязанностей.

На этом мы завершим блок, посвященный дневниковому образу Императора Николая II Романова и приступим к не менее важному, на наш взгляд, блоку, в котором мы осветим интерпретации образа Николая II Романова в годы Первой Мировой войны. К этому времени у народа уже сложились свои представления о политике правления Николая II, о его личностных качествах.

1. Единение царя и народа

Манифест, подписанный царем, об объявлении Первой Мировой войны, в котором он призывает к сплочению всего общества, всех народов России вокруг престола, стал причиной патриотического подъема страны. Торжественность подписания манифеста ознаменовалась заключением речи царя: многие присутствующие во дворце опустились на колени, некоторые плакали. Раздались крики «ура», зазвучал гимн, затем началось пение молитв «Спаси, Господи, люди Твоя» и «Многая лета» [33, с.75]. На первый взгляд – выполнение формальных обрядов, однако подъем патриотического настроения дошел до того, что стало распространяться все большее число портретов

императора и цесаревича, по Невскому циркулировал автомобиль, украшенный национальными флагами и портретом царя.

Символом полного единения царя и народа стала сцена, описанная председателем Государственной думы М.В. Родзянко:

«Государь хотел что-то сказать, он поднял руку, <...> несмолкаемое ура не дало ему договорить. Он опустил голову и стоял некоторое время, охваченный торжественностью минуты единения царя со своим народом, потом повернулся и ушел в покой»

[33, с.79].

Царь здесь безмолвствует и позволяет народу выразить свое мнение восторженными криками.

Тема единения царя и народа звучала и в выступлении представителя Центра графа В.В. Мусина-Пушкина:

«...бывают моменты в жизни народа, когда все мысли, все чувства, все порывы народа должны выразиться в одном клике. Да будет этот клик: Бог, Царь и народ» - и победа над врагами обеспечена»

[33, с.86]

Итак, в начале войны Николай II, как и вся его семья, безгранично обожаем: появляются новые вариации торжественной церемонии подписания манифеста, возникает культ императора, создаются патриотические стихотворения, призывающие к религиозно-милитаристской мобилизации страны. Государь же находится на одной ступени с народом, он благосклонен к нему, позволяет себя любить. Однако это не образ «гордого царя», это, скорее, смущенный вниманием и любовью «друг».

2. Образ Царя «хозяин»

Важным элементом репрезентации монарха были его поездки по стране. В годы Первой мировой войны Императрица Александра Федоровна писала мужу:

«...надеюсь, тебе удастся повидать много войск. Могу себе представить их радость при виде тебя, а так же твои чувства – как жаль, что не могу быть с тобой и все это видеть!»

19 сентября

[48, с.99].

Императрица и сам император чувствовали свою значимость именно в непосредственном присутствии с народом в трудные времена. Поездки на фронт царь начал 24 сентября 1914 г. Эти разъезды носили больше формальный характер и напоминали то, как крепостной помещик объезжает свои деревни – так и император объезжает фронт встречается с солдатами перед наступлениями.

Поездки носили так же и пропагандисткий характер: посещая фронт, царь позиционирует себя как храбрый офицер. Непременно следовало демонстрировать степень храбрости, но при этом и не рисковать своей жизнью. Так как поездки Николая II носили лишь формальный характер, в военном обществе, а далее это распространилась и на гражданское общество, росло недовольство [33, с.103]. Император воспринимался как пассивный царь, нередко недовольство им проявлялось в оскорблениях.

«Вот Вильгельм победит, потому что у него сыновья в армии, и сам он в армии со своими солдатами, а где нашему дураку ЦАРЮ победить... Он сидит в Царском Селе и переделывает немецкие города на русские»

[33, с.103].

Образ царя снижен до «дурака». Здесь Николай II проявляет себя как осторожный, но при этом любящий показать свою «заботу» о простых солдатах, преследуя цель показать свою масштабность и значимость в глазах народа. Тот факт, что на поездки Николая II подталкивали, в основном, императрица и Распутин, а князь Николай Николаевич им препятствовал: ко всем этим советам Романов прислушивался и поступал по принципу, кто будет убедительным [33, с.101]. Данный факт свидетельствует о нерешительности и несамостоятельности Императора.

Таким образом, определение царя как «хозяина» взято нами в кавычках не случайно. Это, скорее, саркастическое восприятие его значимости на фронте, нежели реальная характеристика. Несмотря на разъезды императора по стране и его осознание собственной важности, в кругах народа он воспринимался как

«дурак», даже трус. Внимание солдат акцентировалось не на поездках Государя к менее опасным линиям фронта, а на его деятельность: во время важных сражений он переименовал немецкие названия городов на русские.

Относительно понимания образа Николая II как друга здесь наблюдается явное снижение. Государь не смог сохранить тот патриотический настрой народа, который обеспечил ему безграничную любовь всех сословий. В первом случае Император – авторитет, масштабная фигура, во втором – «трусливый и нерешительный дурак», действующий по указаниям жены и дяди Николая Николаевича. Стоит также сопоставить ликование народа при подписании манифеста о начале войны, подъем патриотического духа народа и то, с какими тяжелыми чувствами страна встречала годовщину объявления войны, от патриотического настроения не было и следа.

3. Царь-враг народа

К середине Первой мировой войны образ Императора принимает характеристики значительно отличающиеся от предыдущих. Разные люди имели разные представления об истории правления императора. Население Петербурга знало Никола II лучше, естественно, что удаленные от столицы провинции, имевшие лишь некоторые представления о нем и его политике. Всевозможные позитивные и негативные образы восприятия Николая II сложились за годы его царствования и оказывали немалое воздействие на восприятие государственной политики и императорской репрезентации во время Мировой войны.

Эстетическое несоответствие царя служило исходной точкой для общественной критики. По внешности люди делали суждения о предполагаемом характере государя, а сложившиеся представления о его личности становились ключом для интерпретации политического курса.

«...ни чем не запоминающийся, заурядный, обычный “офицерик”, простой “полковник”, лишенный державного величия, никак не соответствовал традиционным монархическим представлениям о могучем государе, великом царе, отце своего народа, истинном самодержце...»

[33, с.197]

Русский юрист, военный следователь и полковник Р.Р. Раупах писал о «хронической болезни воли» и «ужасающем безволии» последнего царя, «слабого, безвольного, не обладающего самостоятельным умом» [33, с.197].

Образы «недалекого» императора существовали не только в оппозиционной и враждебной пропаганде, они проникали и в фольклор. Примечательна довоенная частушка, за которую даже привлекали к судебной ответственности:

От Петербурга до Алтая
Нет глупее самодержца Николая

[33, с.207].

Постепенно образ Николая II стал осмысляться как образ врага, толкающего русский народ на смерть. Народ стал связывать образ царя с потерями на фронте. Стали появляться высказывания о том, что все социальные и политические проблемы решились бы сами собой после физического устранения «несостоятельного» государя:

«Царю и Николаю Николаевичу пулю надо, тогда и война бы кончилась и кровь человеческая литься перестала <...> Во всем виноват ГОСУДАРЬ. Ему нужно голову отрубить, но не острым топором, а тупым, чтобы побольше мучился»

[33, с.195]

Итак, безграничная неудержимая любовь народа к своему Государю, проявившая себя во время подписании манифеста, под влиянием нелицеприятных характеристик Николая, под давлением нагнетающегося положения в стране сменяется ненавистью народа к самодержцу, которого уже буквально хотят уничтожить. Мы считаем, что здесь в полной мере реализовался образ «царя-врага»: такие свидетельства, как потеря монаршего авторитета, иронические высказывания и насмешки над царем, желание помучить и убить Николая II имеют неопровержимый характер.

Итак, в данном параграфе мы охарактеризовали направленность политики Николая II Романова, ее рецепция в общественном сознании, образ светского общества в эпоху правления последнего императора, образ царя. В рамках

одного параграфа сложно более подробно и детально рассмотреть эпоху, явно обладающую полярными характеристиками: внешне положительный «человечный» царь, не отличающийся жестоким отношением к народу, не проявляющий качеств тирана, при этом вызывающий недовольство своих сограждан своей политикой; общество, с одной стороны православное, с другой – проявляющее интерес к языческому началу.

Мы также можем говорить о мифологизированном образе Николая II, который по непонятным причинам, практически ни как не способствовал прекращению распространению мифов и легенд о нем: о его внешности, о его безвольности и слабых характеристиках, о его несамостоятельности в принятии важных решений. На различных этапах правления его образ интерпретируется крайне полярно: от «обожаемого друга народа» до «царя-дурака», «царя-врага». Характерно, что в такое неоднозначное время проявляют себя и появляются в известной близости от трона различного рода «интересные люди»: маги, предсказатели, колдуны, ясновидящие. Выше мы упоминали, что вокруг царской семьи постоянно присутствовали юродивые, целители, мистики. Большинство из них – шарлатаны, не имеющие ни каких способностей и не заслуживающие особого внимания. Однако один из многих «старцев», окружающих Императора, оставил свой след не только в судьбе царской семьи, но и в истории Империи.

1.2. Феномен Григория Распутина

в оценках современников и историков

Данный параграф будет посвящен биографии Григория Распутина и его образу в историческом контексте. Мы рассмотрим основные биографические данные о Г.Е. Распутине, а так же для составления более конкретного портрета обратимся к воспоминаниям его современников.

Для того, чтобы негласно и аргументировано выделять Распутина из всей «толпы» мистиков, мы дадим краткую справку о некоторых других личностях, претендующих на уникальность. В частности таким был Митя Коляба – юродивый, мучившийся конвульсиями. Во время припадков его мычание интерпретировалось как пророчества, в которые царская чета свято верила. Были мистики и из-за границы, пытающиеся стать правой рукой императора, его незаменимым советником. Таковым был Папюс, который прямо заявлял, что царская семья жива до тех пор, пока жив он сам. Будущее предсказывали блаженная Паша, босоногий странник Вася Ткаченко, австриец Шенк и другие.

Закрепиться прочно при дворе и стать «добрым другом» и советником царской семьи удалось лишь сибирскому мужику с сомнительной репутацией. Григорий Распутин – варнак из Тобольского уезда Покровского села негласно стал правой рукой самого императора, «милым другом» Александры Федоровны. О личности Распутина до сих пор ходит множество легенд, до наших дней его образ остается неразгаданной. Кем на самом деле был таинственный «странный старец» – не известно и по сей день. Осталось множество воспоминаний, характеризующих Григория Ефимовича Распутина неоднозначно и даже противоречиво. Еще при жизни сибирский мужик смог расколоть общество на две части: почитающих его и проклинаящих. Прибыв в Петербург в 1903 году, Григорий Распутин вызвал небывалый ажиотаж среди светских дам. Молва о нем быстро разносилась по столице и окрест, и в скором времени почти каждый знал факты его биографии.

Григорий Распутин родился 9 (21 января) 1869 в селе Покровском Тюменского уезда Тобольской губернии в семье ямщика Ефима Распутина и Анны Паршуковой.

Сведения о дате рождения Распутина крайне противоречивы. Источники сообщают различные даты рождения между 1864 и 1872 годом. Сам Распутин в зрелые годы не добавлял ясности, сообщая противоречивые сведения о дате рождения. По мнению историков, он был склонен преувеличивать свой

истинный возраст, чтобы более соответствовать образу «старца». Но в Тобольском архиве уцелела книга переписи жителей села Покровского за 1897 год, где рядом с именем Григория Распутина в графе «Год, месяц и день рождения по метрике», заканчивая все предположения, значится 10 января 1869 года, 10 января — день святого Григория, потому его так и нарекли [55, с.25].

Существует множество версий происхождения фамилии Распутин. По одной из них: «Распутин... происходит от нарицательного «распута» – безнравственный, непутевый» [42, с.100].

Сторонники Распутина пытались оправдать неблагозвучную фамилию, сводя ее происхождение к словам «распутица» или «распутье», поклонники связывали фамилию Распутин с даром ее обладателя распутывать сложные, запутанные ситуации, что характеризовало его только с лучшей стороны. Уже в зрелом возрасте, в петербургский период жизни, когда состоялось знакомство с Царской семьей, Распутин обрел еще одну фамилию – Новый, или, как он ее переименовал на сибирский лад, Новых [62, с.36].

Род Распутиных был известен с XII века, он отличался зажиточностью и, можно предположить, пользовался уважением односельчан. Его род пошел от предков Федоровых и Изосимовых, живших за два века до рождения Григория. Предполагается, что от Распуты Изосимова и пошел род Распутиных. Версия о «никчемности» Ефима Распутина (отца Григория) ошибочна – это был крепкий, состоятельный, работающий хозяин, не гнушавшийся любой приносящей доход работы [62, с.17]. Дочь Распутина Матрена Григорьевна подтверждает, что ее дед был старостой в селе, а пьющего нерадивого человека бы народ на эту должность не избрал.

О детских годах Григория информации практически нет. Так, О.А. Платонов озвучивает версию о том, что развитие Григория имело определенные нарушения – он поздно начал говорить, был излишне возбудимым, болезненным. В качестве доказательства версии О.А. Платонов приводит запись Распутина из автобиографического сочинения «Житие опытного

странника»: «Вся жизнь моя болезни... Медицина мне не помогала, со мной ночами бывало, как с маленьким: мочился в постели» [49, с.325].

Биография Распутина покрыта тайной и мифами. Даже внешний облик Распутина, несмотря на огромное количество фотографий и портретов, по-разному описывается у историков. На данный момент более объективным считается, что Григорий Распутин был «в лучшем случае среднего роста и недостаточно развит физически» [62, с. 22].

В 1890 году, достигнув восемнадцатилетнего возраста, Григорий женился на Просковье Федоровне Дубровиной, которая родила ему троих детей. Спустя три года после женитьбы Распутин начинает странствовать. Он посещает святые места в России, совершает паломничество на гору Агофон в Греции, затем в Иерусалим. В 1900 отправляется в Киев, на обратном пути долго живет в Казани. Ходили слухи, что по возвращении из своих странствий Распутин устраивал по ночам странные собрания, происходило это все в бане – специально возведенном строении, не имевшем окон. И что после этих собраний почитатели (преимущественно женщины) покидали подворье в весьма разгоряченном состоянии [62, с.29]. Позже этот факт по распоряжению тобольского епископа Антония проверялся, но доказать причастность Распутина к секте хлыстов так и не удалось. Тем не менее донесения продолжались, осенью 1907 года Тобольская духовная консистория по инициативе того же владыки Антония завела дело по обвинению Распутина в принадлежности к секте «хлыстов», которое по странным обстоятельствам разваливается, а позже и вовсе исчезает (спустя несколько лет находится в Тобольском архиве) [62, с.32].

В 1903 году Распутин приезжает в Санкт-Петербург, где знакомится с архимандритом Феофаном и епископом Гермогеном.

С 1904 году Распутина знает все великосветское общество. Он приобретает славу старца, провидца, божьего человека. Отец Феофан – духовный наставник царицы, рекомендует ей познакомиться со «старцем». В 1905 году сестры-черногорки Милица и Анастасия знакомят старца Григория с Николаем II. С

этого момента в биографии Распутина появляется еще больше странных, противоречивых фактов. В 1906 году Григорий Распутин становится Григорием Новых, но новая фамилия не исключила настоящую и в широких кругах он все же остался Распутиным.

Распутин – желанный гость салонов, он интересен, на него приходят посмотреть как на диковинку. Его разговоры о Боге и вере далеки от традиционных форм. Его «философия», мужицкая подача своей «правды», дар провидца и исцелителя вызвали в обществе небывалый резонанс.

Позже общество расколосось на две части: почитатели, считающие Григория Распутина Божьим человеком и противники, считающие его мошенником и даже немецким шпионом. И те и другие оставили воспоминания, дошедшие до наших дней [57, с.34].

Дочь Матрена, пытаясь объясниться с теми, кто считал ее отца виновником всех бед России, рассказывала о жизни Григория Распутина с самого его рождения. Она сама опирается на воспоминания своих предков (говоря о детстве отца) и на высказывания, записки сторонников Г. Распутина, аргументируя это тем, что не хочет быть голословной. Так Матрена Распутина опровергает факт, что Распутин происходил из бедной семьи. Она пишет:

«...многие думали, что он из бедной семьи. И этим объясняется его стремление к богатой жизни, странничеству, смешивая его с попрошайкой... мой дед был старостой, а нищего и нерадивого хозяина главным в деревне не поставят»

[58, с.16].

Матрена пишет не о Святом: «Распутин был по преимуществу человеком» [58, с.17]. О его внешности Матрена Григорьевна говорит не много, только, как и многие, отмечает глаза отца:

«...почти с младенчества его взгляд (глаза были ярко-синими, глубоко посаженными) отличался от мутного, не сфокусированного взгляда обычного ребенка. Как сказали бы сейчас – глаза делали лицо»

[58, с.17].

Матрена Григорьевна не оставляет без внимания и дар исцеления, которым обладал ее отец, она описывает, что он мог предсказывать события жизни. Этот

дар для Распутина, по мнению Матрены, был проклятием – ему было сложно предсказывать смерть. Чудеса исцеления домашнего скота и людей приближали Григория Распутина к праведникам, но когда он, будучи еще мальчиком, вдруг осознал, что Царство Божие в человеке и «чуть было не увидел Бога» [58, с.23] – он испугался, ведь только святым дано видеть Бога. Этим рассказам Матрена Распутина подводит читателей к мысли, что ее отец – святой: в детстве он видел «женщину в голубых одеждах», в отрочестве он почувствовал присутствие Бога.

С того времени Григорий Распутин был в постоянном ожидании знака свыше, он хотел знать как люди спасаются. Не умалчивает Матрена и нелицеприятную сторону отца – пьянство в кабаках и гулянье, но оправдывает это тем, что неистовое ожидание знака свыше сменяется отчаянием и срывом.

«У Распутина уже в молодые годы чередовались периоды крайнего разгула с приступами покаяния, молитвенного экстаза и влечение к паломничеству по святым местам»

[58, с.47].

Не отрицая факт двойственной природы Распутина, Матрена все же опровергает его причастность к хлыстам. Она пишет, что отец признавался ей в том, что присутствовал на их радениях, но взглядов не разделял.

Матрена Распутина в своих воспоминаниях описывает петербургское общество, как развратное, склонное к мистицизму и спиритизму, но при этом глубоко верующее. Более того, интерес к «низкой стороне человеческого существование» захлестнул все светское общество. Петербург – Новый Содом, Распутин был призван спасти общество, но болото оказалось уже слишком топким [58, с.73].

Григорий Распутин – это новый тип старца, по мнению его дочери, «которому не чужд мир, помыслами живущим на земле. Он был мирской со всех точек зрения. Он знал секрет – как спастись в этой жизни». Распутина-бражника породило общество [58, с.75].

Таким представляется образ «старца» Распутина. Григорий Распутин – обычный сибирский мужик, ищущий Бога, отличающийся своей особой набожностью, особой философией. Он не без греха, но способный понять свою вину и покаяться. Несмотря на то, что Матрена Григорьевна прямо заявляет о том, что не станет писать житие отцу, все же в ее воспоминания просматривается некое превознесение Григория Распутина. Описание детства Распутина, его отстраненность от сверстников, его замкнутость, раннее обращение к богу, явление Богородицы, чудеса исцеление, образы соблазнительниц (во время его первого странствия) и наконец, мученическая смерть: все это элементы жития. Возникает образ Святого, который не относится к традиционным старцам – особый тип старца. Матрена Григорьевна не скрывает «постыдные» стороны жизни отца, оправдывая это тем, что он человек, но человека особый – в нем Бог.

Истинно Святого в Григории Распутине видела императрица и ее фрейлина-подруга А.А. Танеева-Вырубова. Письма Александры Федоровны Николаю II дошли и до наших дней. В них императрица очень тепло и нежно рассказывает мужу о Друге (Григории Распутине) как о спасителе. Из писем видно, что императрица прислушивается к советам и наставлениям Друга:

«...я боюсь, что это будет все-таки официально, но наш Друг желает, чтобы я совершала такие поездки» (речь идет о поездке в Витебск)

[48, с.184],

«...я всегда вспоминаю, что говорил наш Друг...»

[48, с.186].

Сам факт того, что венценосная чета в разлуке обсуждает советы простого сибирского мужика и, более того, прислушивается к ним, дает понять, что не так уж он и прост в их глазах. Наставляя мужа, как нужно себя вести с подчиненными, каким нужно быть императором, Александра Федоровна не раз упоминает о том, что и Друг считает как она:

«Ты помнишь Гр[игорий] говорил то же самое» - как последний аргумент свой правоты»

[48, с.185].

«Враги нашего Друга – наши собственные враги <...> Скажи, что настоящий слуга не смеет идти против человека, которого уважает и перед которым благоговееет его Государь» [48, с.187] – эти наставления императрицы показывают уровень доверия царской семьи Распутину. Позже императрица пишет:

«...думай больше о Григории, милушка, перед всякой трудной минутой проси Его заступничества, у Бога, чтобы он тебя направил...»

[48, с.189].

Григорий Распутин встает на один уровень с Богом, только Григорий и Бог могут направить на истинный путь. Александра Федоровна признает, что Друга ненавидит часть общества, но не под каким предлогом не отказывается от своего объекта обожания, она благоволит ему только с большей силой. Она уверена в своей правоте и тем более в святой правоте Старца. Глупцы не видят той благодати, которую несет Григорий – считает она.

Письма Александры Федоровны – это нежные признания мужу, наставления, восхищения Другом, сетования на тех, кто идет против Григория, рекомендации от Григория о нужных и ненужных министрах. Александра Федоровна не описывает Распутина, его образ можно лишь собрать из отдельных фрагментов писем. Григорий Распутин – это мудрый добрый Друг, «нужно просить Бога, чтобы он дал заступничества Григория» [48, с.189], только Григорий знает как нужно поступать, если исполнять все, что он говорит, по ее мысли, не будет никаких бед [48, с.228].

По мнению камергера В.И. Гурко, влияние Распутина на царицу было построено на том, что он внушил Александре Федоровне осознание того, что она одна способна отстоять самодержавную власть русского царя, которую она неосознанно хотела присвоить себе [23, с.46].

С не меньшим обожанием о Распутине вспоминает фрейлина императрицы Анна Александровна Вырубова. Главными действующими лицами ее дневников являются «сестра во Христе» – императрица и «Святой Старец» –

Григорий Распутин. В ее дневниках «все освящено его памятью», «лишиться этого – значит оторвать часть больного сердца» [17, с.18].

«Это человек исключительной святости. Очень своеобразен. Необыкновенный. А главное – ему многое открыто. Я полагаю, что маме может сказать больше всех этих... Особенно, что в нем подкупает – это его праздность, доходящая до грубости...»

[17, с.70].

Отчасти портрет Распутина здесь совпадает с портретом, который в своих воспоминаниях привела его дочь. Он святой, без сомнения, но при этом ему не свойственен аскетизм святых, самобичевание или смирение. Наоборот, его праздность «подкупает». Об этом же писала и Матрена Григорьевна: ему было многое открыто, но он не был затворником, он жил среди народа, он был частью общества. На смену смиренным праведникам приходит праздный святой.

У Григория Распутина было много друзей, почитающих его и как святого, и как доброго друга, и как помощника. Витте С.Ю. вспоминает встречу с Распутиным:

«...нет ничего более талантливое, чем талантливый русский мужик. Распутин абсолютно честный и добрый человек, всегда желающий творить добро...»

[58, с.115].

Арон Симанович – личный секретарь Григория Распутина оставил немало воспоминаний о нем:

«Распутин не старался перенять манеры и привычки благовоспитанного петербургского общества. Он вел себя в аристократических салонах с невозможным хамством»

[58, с.120].

Такое замечание характеризует Распутина, как человека самобытного и неподдающегося влиянию общества.

Однако необходимо сказать, что далеко не все испытывали подобное восхищение от присутствия Григория Распутина в Петербурге и, более того, рядом с царской семьей. Среди его недоброжелателей были и те, кто отрекся от

его дружбы: отец Феофан, иеромонах Илиодор, епископ Гермоген, Г.П. Сазонов. Илиодор (Сергей Труфанов), познакомился с Распутиным в 1903 году. Их дружба продолжалась до 1910 года, пока Илиодор не «понял, что он (Григорий) не кто иной, как дьявол. С этого дня душа моя оторвалась от Григория, и я начал помышлять о том, как бы только развязаться благополучно с этим «другом» [30, с.51].

В своих воспоминаниях Илиодор отмечает хвастовство Григория, который кичился своим влиянием на царскую семью. В Покровском Распутин хвастался перед Илиодором рубашками, сшитыми императрицей, письмами от царской четы и их детей. Более того Илиодор обличает в Распутине один из самых страшных грехов – гордыню.

В апреле 1910 года Илиодор на приеме у Витте, наблюдал как «святой» «прямо-таки танцевал около Вырубовой; левою рукой он дергал свою бороду, а правой хватал за плечи, бил ладонью по бедрам, как бы желая успокоить игривую лошадь. Вырубова покорно стояла. Он ее целовал»

[30, с.54].

В этот вечер при расставании со старцем Вырубова, как и все его «послушницы», упала на землю и дотронулась своим лбом до ступней Распутина, потом поднялась, трижды поцеловала «старца» в губы и несколько раз его *грязные* руки [30, с.55]

В июне 1911 года, готовя Распутина к Саровскому паломничеству Илиодор замечает:

«Григорий показался мне каким-то воздушным, готовым вот-вот сняться с высокого досчатого помоста, где он стоял, улететь, но только не на небо, а в преисподнюю»

[30, с.67].

Будучи долгое время рядом с Григорием в Царицине, Илиодор окончательно убеждается, что «старец» – дьявол. Матрена, вспоминая об отце, описывала его силу целителя. Илиодор же наблюдает иное исцеление – изгнание «блудного беса» из молоденьких и красивых девушек. Исцеление

происходит с помощью особых методов: поцелуи и бани, «старческие» прикосновения, «последний способ».

Последний протопресвитер русской армии и флота Георгий Шавельский пытался «открыть глаза» Николаю II на дела Гришки Распутина. Он, как и многие приближенные к императору, замечал, что к 1915 году не только царица благоговела перед «старцем», но и царь подпал под обаяние его «святости».

«Отъезжая из Царского села в Ставку, Государь всякий раз принимал благословение Распутина, причем целовал его руку. Распутин стал как бы обер-духовником царской семьи»

[69, с.8].

В 1915-1916 году против Григория Распутина развернулась кампания. Георгий Шавельский был одним из лиц, участвующих в ней. Зная благосклонность императора к отцу Шавельскому, А.И. Пильц, ген. Алексеев, ген. Батюшкин, адмирал Нилов и др., доверили протопресвитеру поговорить с императором и раскрыть перед ним сущность Гришки. Доводами о Шавельского были многочисленные жалобы на выходки Распутина: содержатель ресторана «Медведь» А.А. Судаков обращается к Георгию Шавельскому:

«Посоветуйте, что делать! Поводился ездить в мой ресторан этот негодяй – Распутин. Пьянствует без удержу. Пусть бы пил, - черт с ним. А то как напьется, начинает хвастать: «Вишь, рубаха... сама мама (царица) вышивала. А хошь, - сейчас девок (царских дочерей) к телефону позову»»

[69, с.11].

Доводами в объяснение с Николаем II было и распространение слухов о вмешательстве Распутина в государственные дела. Но ни беседа с царем, ни с Петроградским митрополитом Питиримом, которому было невыгодно идти против высоко взлетевшего Распутина, не принесла существенных изменений. Георгий Шавельский пишет о последних годах жизни Распутина, в самый пик его «карьеры»:

«Распутин, действительно, мог производить сильное впечатление. От всей его фигуры, слов и речей веяло какой-то особой таинственностью... Суждения его

смелы, дерзновенны, повелительны. Он их высказывал авторитетно, не считаясь ни с личностью, ни с положением своего собеседника... Распутин выделялся из толпы, - его нельзя было не заметить»

[69, с.254].

Портрет значительно отличается от восхищенных описаний «старца». Нет негативной окраски, но при этом подчеркивается наглость, напыщенность, самоуверенность суждений мужика из глубинки. Шавельский, будучи «не на стороне» Распутина, не обвиняя его в крайнем дьяволизме, опираясь на достоверные ему источники, более объективно смотрит на Друга царской семьи:

«Распутин посещал церкви, ежедневно молился у себя на дому, при беседах часто взывал к Богу, а в промежутках между молитвами и религиозными беседами творил всевозможные гадости и пакости, им не счесть числа. Беспутство его всем известно»

[69, с.255].

Столкновение таких полярных характеристик, как набожность и беспутство – одно из доказательств таинственности образа.

Все современники, лично видевшие Распутина, отмечают его «отвратительное выражение глаз. Глубоко сидящие в орбите, близко посаженные друг к другу, маленькие, серо-стального цвета» [22, с.114], государственный деятель В.Н. Коковцев при этом замечает, что: «во внешности ему не доставало только арестантского армяка и бубнового туза на спине» [22, с.116].

После встречи с Распутиным В.Н. Коковцев отмечает:

«осталось самое неприятное впечатление, мне казалось во все время беседы, что передо мной типичный представитель сибирского бродяжничества, с которым я встречался в начале моей службы в пересыльных тюрьмах, на этапах и среди «непомнящих родства»»

[23, с.117].

Портреты «праведника», «беспутного» человека здесь сменяются портретами бродяги. Распутин не произвел на Коковцева В.Н. такого впечатления как на Илиодора, о. Шавельского и других, увидевших в нем

таинственного «старца». Распутин, здесь, типичный сибирский мужик – представитель бродяжничества. Директор Департамента полиции С.П. Белецкий отмечает в своих записках то же самое: «...недюжий природный ум практически смотрящего на жизнь сибирского крестьянина» [23, с.138].

Итак, подчеркнем установленный нами и чрезвычайно важный для дальнейшего исследования факт, одна и та же историческая личность, в данном случае – Григорий Распутин – еще при жизни характеризовался современниками совершенно амбивалентно. С одной стороны, он понимался как человек «исключительной святости» [17, с.70], с другой – как сущий дьявол: гордец, хвастун, соблазнитель [Илиодор, Шавельский]. Ниже мы приводим визуализированные портреты Григория Распутина, оставленные его современниками: Илиодором, Ф. Юсуповым, И. Ковыль-Бобыль, А.С. Симанович, Гиппиус.

Илиодор (Сергей Труфанов): «Григорий был одет в простой, дешевый, серого цвета пиджак, засаленные и оттянувшиеся полы которого висели спереди, как две старые кожаные рукавицы; карманы были вздутые; брюки такого же достоинства. Особенно безобразно, как старый истрепанный гамак, мотался зад брюк; волосы на голове “старца” были грубо причесаны в скобку; борода мало походила вообще на бороду, а казалась клочком свалывшейся овчины, приклеенным к его лицу, чтобы дополнить все его безобразие и отталкивающий вид; руки у “старца” были корявы и нечисты, под длинным и даже немного загнутыми внутрь ногтями было много грязи; от всей фигуры «старца» несло неопределенным нехорошим духом» [58, с.76].

Феликс Юсупов: «...меня все больше и больше поражали его глаза, и поражающее в них было отвратительным. Не только никакого признака высокой одухотворенности не было в физиономии Распутина, но она скорее напоминала лицо сатира: лукавое и похотливое... Взгляд его был острый, тяжелый и пронизательный. В нем действительно чувствовалась скрытая нечеловеческая сила. Кроме ужасного взгляда, поражала еще его улыбка, слащавая и вместе с тем злая и плотоядная; да и во все его существо было что-

то невыразимо гадкое, скрытое под маской лицемерия и фальшивой святости» [58, с.76].

Ковыль-Бобыль: «...вышесредний рост, широкоплечий, с большими мужицкими руками, большая темная, рыжеватого оттенка борода, закрывающая почти весь овал лица, мясистый нос, полные чувственные губы, серые глаза с белесоватыми точками в зрачках, обычно мутные и сверкающие резким, стальным блеском в момент раздражения – таков Распутин. Обыкновенный, рядовой тип сибиряка-чалдона» [58, с.78].

Симанович: «...своей внешностью Распутин был настоящий русский крестьянин. Он был крепыш, среднего роста. Его светло-серые острые глаза сидели глубоко. Его взгляд пронизывал. Только немногие его выдерживали. Он содержал суггестивную силу, против которой только редкие могли устоять. Он носил длинные, на плечи ниспадающие волосы, которые делали его похожим на монаха или священника. Его каштановые волосы были тяжелые и густые... В общем он был довольно чистоплотным и часто купался» [58, с.78].

Гиппиус: «Распутин – первобытный человек из вековой первобытной среды» [58, с.79].

Настолько полярные портреты характеризуют одного человека — Распутина. Его образ неоднозначен не только в оценки его поведения, образа жизни и происхождения, но и характеристики внешности значительно разнятся. Разнятся описания роста и телосложения «старца»: то он – среднего роста, среднего телосложения, то – традиционный русский крестьянин, невысокого роста, «крепыш». По-разному оценивается взгляд Распутина: магнетический, неприятный, пронизывающий, проникающий в душу.

Итак, проанализировав воспоминания о Распутине, мы видим, что в одном человеке пересекались настолько противоречивые черты, что сейчас, вероятно, уже невозможно сказать, кто же был прав и был ли, вообще, кто-то прав, в определении образа Распутина, его роли и месте в истории. Невозможным было объективно взглянуть на образ Распутина, по всей видимости, было и во времена самого «старца». Пройдя множество эпох и событий, образ

исторической личности «оброс легендами» и прошел все ступени мифологизации, фактически утратив свои подлинные черты. Сложившийся в результате мифологизированный образ преобразовался в культурный архетип; установить ключевые параметры его репрезентации в различных формах культуры XX – начала XXI вв. нам и предстоит во второй главе настоящего диссертационного исследования.

Глава II

Образ Григория Распутина в культурном контексте XX-XXI вв.

2.1. От исторической личности к культурному архетипу: мифологизация и демифологизация как ключевые механизмы культурного сознания

Первая глава исследования была посвящена исторической личности, послужившей основой художественной фигуры Распутина, его литературного образа. Мы установили, что однозначного ответа на вопрос, кем же был Григорий Распутин, дать невозможно, несмотря на обилие воспоминаний современников и многочисленные работы историков. Свидетельства современников очень ценны: в них содержится непосредственное восприятие человека, знание таких его подробностей жизни и деятельности, которые почти всегда ускользают от тех, кто не был участником или свидетелем исследуемых событий. Но современники не в состоянии оценить значение исторической личности во времени. Потомки же становятся пленниками своей эпохи и судят о прошлом, нередко исходя из собственных представлений, стереотипов.

Часто вокруг известных людей их соотечественниками или близкими создаются ореолы историй, которые больше похожи на мифы, чем на реальную жизнь. Это касается как исторических личностей древности, так и современных людей. Например, образы первых афинских царей больше связаны с древнегреческой мифологией, чем собственно с историей. В частности Царь Эрехтей, считал, что его воспитала богиня Афина, а Александр Македонский из династии Гераклидов, считал себя истинным потомком Геракла. Подобные представления, передававшиеся из поколения в поколения и закрепленные в письменных источниках, служили «цементом» для мифологизации исторической личности. В связи с этим возникают сложности с установлением реальных характеристик исторической личности [35, с.44].

Миф не изживает себя и по сей день, но современный миф, по сравнению с архаическим заметно эволюционировал. Современный миф трактуется в

качестве связующего звена между личностью, властными структурами, средствами общественно-политическими коммуникациями. Миф – это порождение коллективного сознания. Индивидуальная психика, включенная в миф, растворяется в коллективной. Сознание индивида погружается в бессознательное, где любая индивидуальность отсутствует [35, с. 45]. Миф ничего не скрывает и ничего не демонстрирует – он деформирует; его тактика – не правда и не ложь, а отклонение [5, с.163].

Мифологизация, согласно определению Е.Ю. Додолева, есть процесс (и результат означенного процесса) генерации художественного образа (вымысла) на базе реальных исторических событий (биографий и т.п.) [26, с.35]. Всемирная история – это история мифов о конкретных личностях. Мифы о мудрых правителях, коварных предателях, верных полководцах создаются чаще всего для конкретных политических или общественных нужд. А дальше начинают жить своей жизнью. Они могут быть востребованными долгое время, могут на какое-то время перейти в «архив», а затем появиться вновь.

«Любой легендарный материал развивается спиралевидно; стадии его актуальности сменяются стадиями латентного существования»

[18, с.107].

Прежде чем обратиться непосредственно к центральному герою нашего исследования – образу Григория Распутина, приведем несколько примеров мифологизированных персонажей отечественной культуры с целью подчеркнуть ряд общих закономерностей мифотворческого процесса.

- Мифологизация первых русских святых – князей-страстотерпцев Бориса и Глеба.

Историческая справка: Борис Владимирович, князь Ростовский (ум. 1015) и Глеб Владимирович, князь Муромский (ум. 1015), – родные братья, сыновья киевского великого князя Владимира I Святославича. После смерти отца в 1015 г. их старшие братья, Ярослав и Святополк, начали борьбу за власть в Киеве. Престол достался Святополку, который, чтобы избавиться от потенциальных конкурентов, приказал варягам-наемникам убить братьев, что и было

исполнено. Так гласит летописная версия. Через четыре года Ярослав взял Киев, Святополк бежал и вскоре погиб. Ярослав вошел в историю как Мудрый, Святополк – как Окаянный, а Бориса и Глеба канонизировали [1].

Мифологизация и демифологизация: Борис и Глеб стали первыми русскими святыми. Их почитали за праведность и кротость, и культ вокруг них оформился довольно быстро. Они стали героями сказаний и легенд, почитались как чудотворцы, им посвящали гимны, их изображали на иконах, в честь них нарекали Борисоглебск и даже аэропорт Киева Борисполь назван так в честь святого князя Бориса. Культ братьев-мучеников был создан неспроста: он скрывал страшное преступление. В итоге самый старый русский политический миф жив до сих пор.

В культуре миф о братьях-мучениках сыграл роль христианского противовеса жестокости правителей. И это его гуманистическое значение настолько сильное и определяющее для русской культуры, что первые признаки его деконструкции обнаружились только в наши крайне скептические времена с появлением анекдотов, где фигурируют святые братья.

- Мифологизация Великого князя Александра Невского

Историческая справка: Александр Ярославич (1221-1263 гг.) в разные годы был князем Новгородским, великим князем Владимирским и Киевским. В 1240 году он разбил шведов на Неве, в 1242-м – ливонских рыцарей на льду Чудского озера и несколько раз ездил в Орду договариваться с татарами.

Мифологизация и демифологизация: Объединенная потомками Александра Невского северо-восточная Русь с центром в Москве нуждалась в герое. Александр победил одних врагов и замирился с другими, спас страну от полной гибели и от покорения иноверцами.

Легенда выглядит красиво: совсем юный князь поражает шведского ярла в битве на Неве, он же, чуть постарше, разбивает идущих немцев на льду, наконец, совсем взрослый Александр понимает, что Русь пока слаба, чтобы воевать с монголами, и отправляется в Орду заключать временное перемирие.

Миф об Александре, который отвел от страны западную угрозу, всегда на пользу, когда Русь ведет войну или готовится к конфликту с западными соседями. Канонизируют Александра в 1547 году, незадолго до начала Ливонской войны; в 1710 году, в разгар войны со шведами, Петр I основывает в новой столице, Петербурге, Александро-Невскую лавру и, закрепляя победу, в 1724 году переносит туда мощи святого князя; в 1938 году, на пике военных приготовлений в Европе, в СССР выходит фильм «Александр Невский», а в 1942 году появляется орден Александра Невского [71].

Параллельно идет процесс деконструкции мифа, в котором слишком много красивых деталей. Князь становится героем анекдотов вроде: «Лед тронулся, господа», – сказал Александр Невский, обращаясь к немецким псам-рыцарям». А знаменитая фраза «Кто с мечом к нам придет, тот от меча и погибнет» становится объектом пародий: «Кто с ваучером к нам придет, тот от дивиденда и погибнет». Завершает деконструкцию реклама сухариков, где именно их хруст ломает лед под немцами.

- Мифологизация русского царя Ивана IV Грозного.

Историческая справка: Иван IV Васильевич, великий князь Московский и первый официальный русский царь (1530-1584 гг.), присоединил к Руси Казанское и Астраханское ханства, Область войска Донского, Башкирию, начал покорение Сибири, ослабил позиции аристократии, вырезав значительную часть бояр, и усилил центральную власть. Вел войны на западных границах, но в итоге потерпел поражение. Создал особое войско нового типа – опричников. Казня противников, придавал большое значение символам, например, любил имитировать адские муки. Сгоряча убил собственного сына. Умер, оставив страну разоренной [70].

Мифологизация и демифологизация: Споры о личности Ивана Грозного ведутся уже четыреста лет. Сразу же после смерти он стал фольклорным персонажем, в оценках которого пересекаются доброе и злое начала. Для официальной дореволюционной историографии он, как царь, конечно же, был

фигурой, скорее, положительной, но темные стороны его правления и личности никогда не скрывались.

Русские историки XIX – начала XX в. предпочитали разделять правление Ивана IV на две части. Первый период царствования оценивался позитивно (присоединение земель, реформы управления, борьба с аристократией); второй – отрицательно: именно в это время царь превратился в жестокого тирана. Например, Н.М. Карамзин во всех подробностях описывает пытки, которые Грозный устраивал своим жертвам [46, с.44].

В первое послереволюционное десятилетие Иван Грозный осуждался как суровый деспот. Затем, по мере усиления влияния И. Сталина, снова стал положительным персонажем. С. Эйзенштейн попал в опалу за то, что недооценил прогрессивность опричников в так и не законченной второй серии своей картины «Иван Грозный» (1944–1946).

Спор об Иване Грозном продолжается и сейчас – в блогах и прессе периодически появляются призывы запретить фильм Павла Лунгина «Царь» (2009), где он предстает фигурой неоднозначной. Крайние государственники предпочитают видеть в первом русском царе эффективного менеджера: мол, если и летели щепки, то так оно всегда бывает – модернизация требует жертв. Он и сам ее жертва, как на знаменитой картине И. Репина «Иван Грозный и сын его Иван».

Миф о Грозном как об эффективном управленце начали потихоньку развенчивать еще во времена Российской империи – во «Всемирной истории, обработанной Сатириконом» (1909). Там царь похож на любопытного ребенка, который распарывает бояр, чтобы посмотреть, что же там у них внутри [70, с.306].

А вот после 1917 года М. Булгаков, а затем и А. Гайдай в «Иване Васильевиче» (1936, 1973) изображают царя Грозного жалким и комичным, но при этом не ставят под сомнение его «менеджерские таланты». Впрочем, в более поздних анекдотах, где Иван Грозный убивает сына, поджигает дом и срубает дерево, царь предстает просто маньяком-разрушителем.

Безусловно, ряд исторических личностей, мифологизированных общественным сознанием, может быть чрезвычайно распространен: это и Иван Сусанин – крестьянин Костромской губернии, и Петр I Великий – император Всероссийский, и донской казак Емельян Пугачев, и великий русский поэт Александр Пушкин, и Владимир Ульянов (Ленин) – теоретик марксизма, революционер, вождь партии большевиков, и кавалерист, георгиевский кавалер Василий Чапаев... В рамках же нашей работы мы ставим задачу доказать, что и Григорий Распутин входит в ряд мифологизированных персонажей нашей истории.

Прежде чем анализировать образ Распутина и определять *степень мифологизации*, нам необходимо определиться со способом чтения мифа. Ролан Барт, чьи теоретические работы послужили методологической базой нашего исследования, выделял три способа:

1. Если вглядываться в означающее как в нечто пустое, то форма мифа заполняется понятием без всякой двусмысленности, и возникает простая система, значение которой вновь обрело буквальность. Такой способ зрения характерен, в частности, для производителя мифов, например для газетчика, который исходит из понятия и подыскивает для него форму.
2. Если вглядываться в означающее как в нечто полное, четко отграничивая в нем смысл от формы, а стало быть и видеть деформацию первого под действием второй, то тем самым расчленять значение мифа и воспринимать его как обман. Такой тип зрения характерен для мифолога, который дешифрует миф, понимает его как деформацию.
3. Наконец, если вглядываться в означающее мифа как в некоторую целостную неразличимость смысла и формы, то воспринимаемое значение оказывается двусмысленно: в читателе срабатывает, заложенный в мифе механизм, его специфическая динамика, и он становится читателем мифа.

«Два первых способа рассмотрения носят статико-аналитический характер; миф в них разрушается, либо путем открытого осознания его интенции, либо путем ее разоблачения, первый взгляд – цинический, второй –

демистифицирующий. Третий же способ – динамический, здесь миф усваивается согласно его собственной структурной установке: читатель переживает миф как историю одновременно правдивую и нереальную» [5, с.161].

Для нас будет необходим и третий способ – увидеть и воспринять в художественном целом миф, и второй, как аналитический, увидеть мифологизированную личность, посмотреть его трансформацию.

Мифы о Распутине распространялись с самого его появления в светских кругах, более того, часть мифов исходила от самого «старца». Несмотря на многочисленность работ о Григории Распутине, в рамках дискуссии о сущности его личности появляются новые работы, но они ничего нового не добавляют к ранее высказанным доводам в пользу того или иного мнения. Интерес к сибирскому мужику в истории то утихал, то вспыхивал вновь, что способствовало возникновению эффекта «мерцания» образа Распутина в историко-культурном контексте сменяющих друг друга эпох. Наши дни – пик популярности образа Григория Распутина. О нем снимают документальные и художественные фильмы и сериалы, пишут романы, повести, рассказы, стихотворения и так далее. По большому счету, все интерпретации «феномена» Распутина сводятся к попытке «очернить» или «обелить» его. Несмотря на то, что для кого-то он, как святой старец, был фигурой положительной, темные стороны его жизни и личности всегда вызывали немалый интерес, соответственно фигура его демонизировалась.

Опираясь на повесть Анри Труайя «Распутин» (1966 г.) как на более полный и исторически достоверный текст, мы реконструировали сюжетную схему, в которой отмечены все *ключевые мифологемы* жизни Григория Ефимовича Распутина.

- Происхождение Распутина связано с сибирским топосом.
- Проявление сверхъестественных способностей

- Странничество в поисках Бога
- Появление в Петербурге
- Последователи и враги
- Заговор врагов
- Убийство «странника».

Практически во всех обнаруженных нами художественных произведениях так или иначе реализуются эти составляющие сюжета. Похожие мотивы, нанизывающиеся на сюжетную схему, по-разному интерпретируются авторами и нередко ведут к формированию образа героя, существенно отличного от прототипа.

Историческая повесть Анри Труайя, написанная в 1966 году, претендует на объективное и единственно правильное отражение образа Распутина. Это некий вариант анализа жизни одного из самых мистифицированных личностей России. Целью повести было явить миру нового, незнакомого, истинного старца Григория.

В повести описываются реальные исторические события, учтены почти все вехи биографии Григория Ефимовича Распутина, начиная от рождения и до его мученической смерти. Автор не замалчивает спорные моменты жизни Распутина, но по-своему интерпретирует и убедительно объясняет все порочащие «старца» нападки.

Изображение и интерпретация образа «старца» – главная тема повествования – на фоне борьбы между церковью и истинной верой, которая призвана «соединить верующих с небесами, а народ – с царем» [63, с.13]. Мы видим здесь Распутина-жертву, который из благих побуждений посвящает свою жизнь обществу и спасению общества. У него свое толкование священного писания, свое понимание веры, которое противоречит догматам церкви. Он искренне уверен в том, что земные искушения угодны Богу, только тот, кто упал, может подняться и встретить утешение Господа.

Образ старца граничит с образом хитреца и мошенника. Но Распутин здесь скорее юродивый, которому не нужны деньги, связи, привилегии для собственного блага, он все это использует для устройства блага других. С детских лет Григорий искренне верит в свою значимость, в свою избранность. Но и с детских же лет, его странное поведение, странный образ жизни порождает множество слухов и мифов о нем, что и является главной причиной противоречивости образа. Он весь окутан мифами и легендами, его поступки интерпретируются неоднозначно, а порой и крайне противоречиво.

Анализируя историческую повесть А. Труайя, принятую нами как текст, содержащий своеобразный инвариант жизни Распутина, мы также выявили цепочку мотивов совершенно разного свойства, которые повторяются в дальнейшем в разных художественных произведениях. Это могут быть «мотивы-описания», «мотивы-характеристики», «мотивы-действия», «мотив-ситуации», «мотив-связки» [51, с.150]. Последующее их сопоставление поможет нам выявить парадигму сюжета о сибирском мужике.

Ключевые мотивы сюжетной схемы о Распутине:

1. мотив происхождения из Сибири (характеристика Сибирского топоса)
2. мотив необычного детства в мифологизированном пространстве
3. мотив странствия
4. мотив-характеристика Петербурга
5. мотив дружбы «старца» и царя (царская семья)
6. мотив духовного наставничества
7. мотив чудес
8. мотив мученической смерти
9. мотив-внешняя характеристика старца

Характеристика топоса.

Завоевание, а затем длительное освоение Сибири породили отношение к Сибири как к особому, экзотическому миру, что свидетельствует в пространственной ориентации о сохранении позиции «извне», об исконно славянской точке зрения, куда не вошла точка зрения аборигенов. Пространственная семантика Сибири до XX века включительно хранит генетически свойства «чужого» пространства.

Взгляд «извне» на пространство Сибири, исключаящий наличие «другой» культуры, недиалогический аксиологический подход к пространству за пределами исконно славянских земель способствовал мифологизации образа Сибири в русском культурном сознании как в метрополии, так и в самой Сибири, где осели переселенцы из России и репродуцировали хозяйственный и культурный уклад на новых землях. Взгляд на осваиваемое пространство как на «чужое» породил два антиномичных мифа о Сибири: миф о первозданном рае, обетованной земле, дарующей несметные блага (субъекты этого мифа как крестьяне, обретшие плодородную землю, так и люди удачи, авантюристы), либо миф о мире смерти, губительном пространстве (субъекты этого мифа – каторжане и те, кто не одержал победы при встрече с суровыми природными условиями). Оба мифа построены на дихотомии «свой / чужой», лишь дают противоположную оценку «своего» и «чужого»: мифологизация природы как огромных пространств, чрезмерных природных форм (рек, гор, тайги), невыносимого холода; мифологизация социума либо как деструктивного, либо как экзотического; мифологизация человека как носителя сверхнормальных сил, страстей, духа. Оба мифа, хотя и опираются на архаические представления, закрепляют социальные мифы и экзотизацию Сибири вместо воссоздания реальной сложности сибирского мира и вместо открытия общечеловеческой, универсальной сущности сибирской реальности при всей её феноменальности. Экзотизация – это воспроизведение известных представлений, знаков, сюжетных схем, спекулирующих на фиксации непохожего, обслуживающих стереотипы массового национального сознания [65].

Сибирь в повести Труайя – мифологизированное пространство, которое

пугает и завораживает, как некая другая цивилизация, другой мир. Не только на «большой цивилизованной» земле о ней, Сибири, ничего не ведают, а только слагают мифы и легенды о ее просторах, нравах и людях, но и в деревнях Сибири так же люди далеки от блеска больших городов. Безграничные просторы, завораживающая девственная природа, граничащая с чем-то животным первобытным, соединяется с православной исконной верой в Бога и его силу:

«Покровское в самом деле – край земли. Здесь довольно смутно представляют себе, что где-то, далеко, есть большие города, такие, как Петербург и Москва, полные народу, бедного и богатого, всяких чудес и шикарных нарядов, но не завидуют «счастливчикам», живущим там. Деревенские чаяния не нарушают границ дозволенного судьбой – река Тура, приток Тобола, города Тобольск и Тюмень, вот и все. То, что дальше, – неведомая земля, другая планета. Никто в Покровском даже попыток не делает отправиться посмотреть на другую жизнь. Так хорошо здесь, вдали от мира, шумного, цивилизованного, пугающего, да и ненужного им, надежно укрывшимся за высокими Уральскими горами. Истинный рай для вольницы»

[63, с.6].

Именно из такого мифологизированного пространства выходит Григорий Распутин – сын земли Сибирской, яркий представитель сибирского народа. Распутин – не просто, как житель Сибири, а как олицетворение экзотической земли. Все характеристики Сибири можно отнести и к индивидуальному образу «старца»: полярность (праведный/грешный; свой/чужой; целитель/соблазнитель), наличие мифов, экзотизм, как непохожесть на других. В художественных текстах, в частности в повести Анри Труайя, Распутин – выходец из села Покровского Тобольского уезда характеризуется именно как ребенок сибирской земли. Его образ полностью соотносится с образом топоса. В течении всей своей жизни Григорий Распутин периодически возвращается на Родину, "погружаясь" в свое мифологическое пространство:

«И все-таки время от времени он покидает столицу, чтобы подкрепиться, подпитать свое сердце в Покровском. Там радуется он своей жене, детям,

которые неизменно ждут его терпеливо и радостно»

[63, с.44].

Распутин растет и взрослеет на лоне природы. Деревня, леса, поля, река – школа и университет маленького Гриши. Автор создает портрет *детских лет Распутина* схожий с житийным портретом святого. Распутин в детстве истово верит в Бога. Он далек от наук, но живет в гармонии с природой. Свобода, заключенная в любви к природе – великое чудо и дар для Гриши Распутина. Явление Богородицы во сне или наяву – признак избранности отрока. Ребенок становится местной знаменитостью, после того как от тяжелой болезни его исцелила Богородица. «Грубая плотская реальность соседствует с самыми возвышенными духовными чувствами» [63, с.8]. Жители Покровского признали в мальчике-ворюге благословлённого ребенка, сам Григорий убежден, что его благословили силы небесные. Мальчик изводится вопросом: почему именно он стал избранным.

В повести Труайя Распутин – необычная личность с детских лет: он отличается от своих сверстников, он ведет несвойственный ребенку образ жизни, с детства он видит несовершенство человеческой жизни, в конце концов, он, отмеченный Господом, ищет его «следы» не только в мире духовном, но и материальном.

Вся трансформация образа, все изменения в поведении ребенка сопровождаются слухами в селе. Гриша растет «ребенком не от мира сего»: он разговаривает с животными:

«В конюшне разговаривает с лошадьми, как с людьми, и уверен, — его понимают. У него с животными один язык. Когда у кого-нибудь из соседей пропадает лошадь, он не задумываясь называет вора и место, где тот спрятал украденное. По деревне слух, что мальчишка — ясновидец»

[63, с.8].

Описание детских лет Григория Распутина отчасти напоминают житийное описание детства святого. Во сне ему является Богородица:

«Под охи и всхлипы окружающих он рассказывает, что во сне ему явилась неопиcуемая красавица в бело-голубых одеждах и приказала выздоравливать. Находящийся здесь сельский батюшка восклицает с умилением: «Пресвятая Богородица сошла к чаду, знамение дивное. Господь его, отрока, отметил». И, глядя на очарованного мальчонку, добавляет: «Немного погода объявит тебе Божью волю!». Явление Богородицы потрясло всю деревню»

[63, с.7].

Он мало общается со сверстниками, становится замкнутым, отказывается от игр со сверстниками, проявляет интерес к странникам и их рассказам.

Увлечения, несвойственные ребенку, превращают Григория в неуравновешенного подростка, который грезит о *странствиях*. Он стремится быть ближе к Богу. Юношу не пугает нищета, побои злых людей, унижения, усталость от дорог, он мечтает нести людям слово Божье. Странствовать Распутин начинает еще с юношеских лет: ходит по близлежащим селам и монастырям. После странствий он, как истинный «старец» не ест мясо и держит пост.

Но его вера надламывается после смерти шестимесячного ребенка. И здесь проявляется двойственность образа. Григорий, который с детских лет стремится к Богу, странствует по монастырям, отказывается от мирских благ, пускается в пьянство и разгульный образ жизни. С одной стороны юноша, уверенный в своей избранности, верящий в свой дар, в божественную силу, с другой – молодой человек, который не может перенести несчастье так, как это подобает верующему. Григорий ропщет на Бога, он бросается в крайности, что приводит к ссылке на год. И здесь снова мы видим противоречие: время ссылки он использует для паломничества в Верхотурьинский монастырь. Что происходит со «старцем» во время его скитаний неизвестно, но:

«...Григорий преображается. Некоторые даже говорят, что появился в нем росток чего-то нового. На лице часто появляется отсутствующее выражение. Он возбужден, суетлив, крестится; напевает псалмы. Иногда подавленный, иногда слишком веселый, он бормочет непонятное, заикается и все время

разговаривает с Божьей матерью. Прасковье кажется, что ее муж и не мужчина и не святой»

[63, с.12].

Его и без того странное поведение, его загадочность вызывают все больше интереса среди односельчан. Как следствие, появляются новые слухи о странном Гришке Распутине. Его отреченность от мира порождает толки о его святости, сверхвозможностях, но его понимание религии и веры значительно отличается от традиционного православного учения, что так же порождает множество мифов о принадлежности Распутина к хлыстам, о его магнетизме, о его методах экзерцизма.

География странствий «старца» богата и разнообразна. Начинает Григорий странствовать по близлежащим деревням и селам, но со временем ему становится интересно, что там за уральскими горами. И вот он

«...отправляется пешком на север Сибири, в Болокский монастырь. Затем в 1893 году он с другом Дмитрием Печоркиным решает отправиться в Грецию, в горы Македонии, на святую гору, где монастырь самых добродетельных и строгих. Это долгое путешествие в страну, языка которой они не знают. Тем не менее очень довольны тем, что видят и слышат в приюте православной веры. Покоренный их жизнью, Печоркин остается в братстве, но Григорий, более расположенный к неожиданностям больших дорог, чем к духовным радостям затворника, уходит открывать другие места и искать живых людей. Вернувшись в Россию после греческих испытаний, он три года знакомится с Троице-Сергиевой лаврой в Киеве, Соловками, Валаамом, Оптиной пустынью, Ниловым монастырем и другими святыми местами и чудесами православной церкви»

[63, с.12]

Образ Григория Распутина в повести Анри Труайя – это образ искателя, образ метущейся души, которая бросается из крайности в крайность. При этом он искренне верит в силу божественную и в свою избранность. «Самое важное для него – нести людям слово Божье» [63, с.54] – одна из задач жизни Распутина. Григорий Распутин в образе посредника между Богом и людьми. Его уверенность в собственной важности доходит до того, что он устраивает

часовенку, в которой тайно принимает людей, нуждающихся в «силе его слова» [63, с.16]. И здесь снова образ Григория Распутина сменяется образом Гришки, знающим с нечистой силой. Каждое действие сопровождается слухами. Это приводит к тому, что «старец» становится вновь «популярным», только теперь с отрицательной стороны.

Странствуя, Григорий набирается опыта, обучается грамоте. Он подолгу живет в монастырях, с отшельниками, преодолевает огромные расстояния в поисках Господа. Распутин не просто как губка впитывает все то, что видит и слышит, он анализирует и пытается дать свою оценку, по своему взглянуть на реалии монастырской жизни, отшельничества. На протяжении всей своей жизни Распутин странствует, совершает паломничества по Святым местам черпая для себя новые знания, по-своему интерпретируя их.

География его странствий разнообразна, в поисках Господа (с одной стороны) и в стремлении покинуть отчий дом Григорий по нескольку лет ходит по святым местам, прикасаясь к святыням:

«Григорий начинает с сельских церквей, бродя с божьими людьми, дивится их нищенству, грязи и унижениям, которые они переносят, чтобы стать ближе к Господу»

[63, с.10].

Приговоренный к ссылке за кражу кольев, Григорий:

«использует это время для паломничества в Верхотурьинский монастырь, в четырехстах километрах к северо-западу от Покровского. Долгий и тяжелый путь он совершает безропотно, с покаянием и любопытством»

[63, с.17].

С течением времени география странствий Распутина расширяется, ему становится недостаточным бродить по близлежащим церквям и он:

«Идет без определенной цели, от монастыря к монастырю, спит у монахов или крестьян, кормится по случаю с чужих столов, благодарит хозяев молитвами и предсказаниями. Став бродягой, странником, он все дальше уходит в своих скитаниях. Он отправляется пешком на север Сибири, в Болокский монастырь. Затем в 1893 году он с другом Дмитрием Печоркиным решает отправиться в Грецию, в горы Македонии, на святую гору, где монастырь самых

добродетельных и строгих»

[63, с.12]

Странствуя, «старец» оказывается в столице – в *Петербурге*.

«С первого взгляда огромный, снующий Санкт-Петербург потряс его, высокие, красивые дома, величественные церкви, роскошные магазины, множество экипажей, важные персоны, море мундиров – все говорит о могуществе империи. На улице или в доме невозможно не верить, что царь, министры, жандармы незримо находятся везде и всюду, все видят и слышат. Покровское – за тысячи верст от власти, здесь же она как воздух, без которого нельзя. И если хочешь чего-то добиться, с этим надо сживаться. Как? Распутин не очень лезет во все. Как и в Верхотурье, Киеве, Казани, он доверяет Богу и знает, что тот ведет его по правильному пути...»

[63, с.22].

Город, сверкающий богатыми нарядами, роскошью и титулами, как бы противопоставлен Покровскому, находящемуся на стадии первобытности и отличающимся своей естественностью, простором. Та православная вера, которой так упиваются в далекой и сказочной Сибири, здесь переплелась с суевериями, языческими обрядами, предсказаниями. Общество, направленное на Запад, испорчено интересом ко всеми загадочному, постороннему, мистическому. Город находится в ожидании очередного миссии, который станет лидером, духовным наставником, целителем.

Несомненно, Григорий Распутин в повести Труайя – личность популярная не только в кругах экзальтированного общества, но и в политических. Попадая в светское общество, он стремительно становится востребованным. Знакомство со священнослужителями (Иоанн Кронштадтский, Илиодор, Феофан), со светскими дамами (сестры Милица и Анастасия, Ольга Локтина, Анна Вырубова и т.д.) играет в его пользу, т.к. благодаря этим знакомством очень скоро простой мужик из Сибири знакомится с царской семьей.

В *Петербурге*, как и в маленьком Покровском, о нем появляются мифы нового масштаба: Григорий правая рука императора, он сам назначает и

свергает министров, «старец», стоя за тронем Николая II, правит Россией. Но это лишь мифы, ни чем не подтвержденные. В художественном пространстве Труайя, Распутин — друг, наставник и советник императора и императрицы.

Пьяные кутежи, драки и сквернословия объясняются просто:

«Бог проложил его путь между церквями, монастырями, колыбелями и могилами. Он не может отклонить судьбу, которая предназначена ему Небесами. Если он оступится, то опять же только по воле Неба»

[63, с.16].

Григорий Распутин и Николай II Романов – в данном сюжете это конкретное воплощение героев-спутников:

«Николай – царь, Григорий – старец. Они в равной степени нужны друг другу. Одетый, как всегда, в поддевку и мужицкие сапоги, Распутин осознает, что перед лицом императора он – воплощение живой России»

[63, с.121].

Говоря о «Николае-царе» и «Григории-старце», мы считаем правомерным говорить о том, что пара героев-спутников имеет глубокие мифологические корни. В истории немало подобных примеров: Петр I и Сусанин, Александр I и схимник, Дмитрий Донской и Сергей Радонежский.

Слабость и безволие царя, в какой-то степени его фатализм, отдаленность, отстраненность от народа подготовили почву для появления рядом такой личности как Распутин.

С течением времени в мифологизированном народном сознании само упоминание имени Распутина вызывает ассоциации с личностью, статусом и образом самодержца, с эпохой правления последних Романовых. Упоминания же Николая II Романова, в свою очередь, довольно часто вызывают ассоциации с личностью «старца» Григория.

В повести Анри Труайя Распутин представлен как посредник не только между Господом и людьми, но и между людьми и царем: «...избранник Божий и послан, чтобы примирить царя и царицу с русским народом» [63, с.67]. Он, Григорий Распутин, – связующее звено.

Все возникающие сомнения Николая II в избранности «старца» на корню рубит императрица Александра Федоровна, которая видит в Распутине персонифицированное воплощение истинной православной России, к которой она так стремится. Светское общество, испорченное западом, она отвергает, но с охотой принимает грубого деревенского мужика. Это новый повод для слухов:

«Мало-помалу вокруг его персоны возникает некий эротико-религиозный миф. Рассказывают, что он горазд не только утешать душу, но и удовлетворять тела, жаждущие любви. Людская молва приписывает ему исключительные сексуальные способности. Фигура сатира, говорят знакомые дамы, а сердце святого»

[63, с.171].

Слухи эти распространялись не только в отношении Григория и светских дам, но и в отношении Императрицы. Интерес подогревало и фамильное отношение «старца» к Императорской семье, и его близость со всеми ее членами:

«Я с ними не церемонюсь (царем и царицей). Если они мне не подчиняются, я стучу кулаком по столу и ухожу. Тогда они бегут за мной и умоляют остаться!»

[63, с.194].

Не церемонится Распутин и в обращении к Императору и Императрице, обращаясь к ним: «Папа» и «Мама».

У многих, не входящих в круг почитателей «старца», подобная фамильярность вызывала недовольство, как и приближение «мужика» к царской семье. Сторонники Распутина не считали сложившуюся ситуацию критичной, скорее наоборот, это было неким символом соединения простого народа с Царем.

Встав на путь целителя и друга царской семьи, Григорий Распутин-Новых становится более популярным и среди «своих», и в светском обществе. Пройдя множество монастырей, обучившись грамоте и толкованию Священного писания, Григорий Распутин приходит к собственному пониманию веры. «Для

торжества добра необходимо зло»: его собственная доктрина. Господь любит только тех, кто, познав грех, очищается от него. Все свои грехи Распутин объясняет волей божьей. Он сам в это верит. «Он знает: все, что он делает, происходит по воле Господа» [63, с.23].

Его непохожесть (заключенная в самобытности и оригинальности) на традиционных «старцев», привлекает к нему множество Учеников, которые становятся *последователями* его трактовки религии:

«Взгляд и голос Распутина потрясает присутствующих до мозга костей. Он учит слушать их самих себя, в молитве достигать блаженства. И с того момента, как верующий входит в экстаз, ему все позволено. Любые правила поведения могут быть нарушены вдохновением ума или тела, которое доводит вас до потери сознания»

[63, с.47].

Странное поведение Распутина: подергивания, несвязное бормотание, временная отстраненность – общение Григория с Господом. Неловкие, интимные вопросы – искреннее желание Распутина узнать человека, помочь ему. Он искренне верит в Господа, ему не нужна церковь, как посредник. Он сам общается с Богом и только он знает, что есть истинная вера, что нужно Господу и чего он хочет. Люди, строящие козни «старцу», неверующие в истинность и праведность его учения – завистники, злопыхатели, враги. Он, Григорий, отдает себя всего спасению общества: помогает «папе» и «маме» в делах политических мудрым советом, исцеляет маленького цесаревича, изгоняет из дам блудного беса.

Философия веры Григория Распутина значительно отличается от традиционной:

«он судит о себе без лишней гордости и ложного унижения. Больше всего его интересует борьба за душу. Ведь душа руководит телом. И тот, кто облегчает душу, лечит тело»

[63, с.35].

Григорий Распутин не принимает веру так, как этого диктует церковь. Он не доверяет и отвергает строгие и противоречивые, на его взгляд, догматы. «Не

в его характере переносить длительные посты, умерщвлять плоть, слепо подчиняться приказам церковного начальства. Он предпочитает остаться обычным старцем, странником, в свободном полете от ортодоксальной религии. Он всегда служит Господу, а не церковникам» [63, с.23]. Вокруг «старца» как в Покровском, так и в Петербурге собирается множество учеников и, в какой-то степени, последователей. Его мнение важно не только среди простого народа, но и в светских кругах «старец» пользуется большой популярностью. *Распутин, как негласный духовный наставник* всех страждущих и желающих прикоснуться к истинной вере, пришедшей из недр Сибири.

Не только самобытность, оригинальность и своеобразные речи о Господе притягивали к Распутину все больше и больше народу, но и слухи о его *чудесах*, распространяющиеся с огромной скоростью. Самыми распространенными и популярными в повести А. Труайя «Распутин» отметим *чудеса исцеления*. Более прочно и надежно Григорий Распутин закрепился рядом с царской семьей после того, как исцелил маленького Алексея, страдающего гемофилией. В то время, когда врачи не в силах остановить страдания ребенка, «старец-целитель» молится, отдавая все свои силы ради исцеления.

Первый подобный случай произошел в 1907 году в Царском Селе, после которого среди всех сословий стали распространяться слухи о великом даре Распутина, о его силе молитвы:

«Верующие знают, что Господь избрал сибирского старца исполнить его волю и помочь страждущему человечеству. Что касается Распутина, то он искренне уверен, что великое могущество дано ему для облегчения страданий себе подобных. Это через любовь к пациентам он передает свою уверенность в их выздоровление и через другую любовь, к Господу, он просит его помочь в исцелении. В такие моменты его мысль как бы раздваивается, с одной стороны, он проникает в сознание того, кто веряет ему себя, с другой, — просит того, от кого зависит все на земле. Как бы то ни было, но признание его чудотворцем

начинает распространяться вокруг. Лишь его самого ничего не удивляет»

[63, с.42].

После этого знаменательного случая, Григорий Распутин становится для царской семьи не просто другом и наставником, а, скорее, полноправным ее членом. Теперь к нему обращаются при каждом приступе гемофилии, обходя медицину. Слухи распространялись с огромной скоростью и к Григорию стали обращаться за помощью, как к целителю.

Особый интерес в обществе Распутин вызывал и своими спонтанными, как бы случайными предсказаниями, которые удивляли, пугали, настораживали. «Старец» предсказывает неудачную семейную жизнь фрейлины императрицы, пророчествует о потерях в русско-японской войне, о революции и ее исходе, о трагичной судьбе царской семьи и собственной смерти.

В своих предсказаниях о собственной смерти «старец» связывает свою судьбу с судьбой Романовых и судьбой всей Империи:

«Я чувствую, что уйду из жизни до 1-го января. Я хочу сказать русскому народу, папе (царю), маме (царице) и детям, что они должны предпринять. Если я буду убит обыкновенными убийцами и моими братьями, крестьянами, ты царь России, тебе не надо будет бояться за своих детей. Они будут царствовать еще много веков. Но если меня уничтожат дворяне, аристократы, если они прольют мою кровь, то руки их будут запачканы моей кровью двадцать пять лет и они покинут Россию. Брат поднимется на брата. Они будут ненавидеть и убивать друг друга, и двадцать пять лет в России не будет покоя. Царь земли русской, если ты услышишь звон колокола, который скажет тебе, что Григорий убит, знай, что один из твоих подстроил мою смерть и никто из вас, никто из твоих детей не проживет больше двух лет. Они будут убиты русскими (...). Я буду убит. Меня больше нет среди живых. Молись! Молись! Будь сильным. Думай о своей благословенной семье!»

[63, с.183]

Предсказание сбывается. «Старца» убивают родственники Николая II, чем навлекают беду на всю Империю. Так считают, скорбящие сторонники Распутина.

«В глубине крестьянского сознания укореняется идея заговора сильных мира

сего с целью помешать царю услышать голос «маленьких людей». «Разгульный» Распутин явился для простых людей почти что вторым Христом. Неважно, что у него были недостатки, ведь он был одним из них. Он принес во дворец и в столицу душу глухой деревни, необъятных просторов, людей — темных и покорных, и его убили!»

[63, с.233].

Говоря о детстве Григория Распутина, мы ссылались на некоторое сходство биографических фактов «старца» с традиционными жизнеописаниями святого. Принятие мученической смерти — неотъемлемая часть традиционного жития.

В контексте повести Анри Труайя «старец» принимает мученическую смерть, подобно «святому». Здесь Григорий Распутин проявляет некоторые *чудеса* стойкости, любви к жизни. Убийцы поражены *чудесной* выносливостью и силой «старца». Ни яд, ни смертельные удары, ни пуля в сердце не помогают избавиться от Распутина:

«Подобная жажда жизни у несостоявшегося мертвеца пугает Феликса: он видит в этом нечто сверхъестественное, противоречащее человеческой натуре»

[63, с.204].

Своей особой эрудицией, странностью, манерой общения Распутин кого-то притягивает к себе, кого-то отталкивает. Он в центре грандиозных политических и светских скандалов. Его **внешний вид** так же рождает у окружающих противоречивые эмоции. Так, например, недоброжелатели видят в нем грязного, неопрятного оборванца, отмечая: грязные прилизанные на макушке волосы, пронзающие магнетизмом глаза, всклокоченную бороду, «сапожища», оставляющие грязные следы на чистых полах дворца. Почитатели и ученики, напротив, видят в нем оригинального, самобытного крестьянина, «старца», для которого важно внутреннее наполнение, а не внешнее. В частности императрицу Александру Федоровну сразу привлек внешний облик странного «старца»:

«Когда она видит его, бородатого, грубого, с пронзительным взглядом, ей кажется, что весь русский народ предстает перед ней. Как огорчило бы ее, если бы он перестал носить свою голубую крестьянскую рубашу, высокие сапоги или если бы он заговорил деликатным языком светского окружения»

[63, с.44].

Императрица, ненавидящая испорченное светское общество, тянется к исконно русскому православному, а Григорий в деревенской неопрятной одежде — символ земли сибирской, далекой от цивилизованного Петербурга, отличающегося своими нравами и ценностями.

Объективно мы видим в повести Анри Труайя мужика:

«...высокого роста, худого, с длинными и прямыми волосами, клочковатой бородой, на лбу шрам, лицо, изрезанное морщинами, широкий нос с раздувающимися ноздрями. Более всего привлекают внимание его глаза. Взгляд стальным блеском выдает магнетическую силу. Рубашка, стянутая на талии ремнем, не закрывает бедер. Широкие штаны заправлены в сапоги с высокими голенищами. Несмотря на деревенский стиль, он чувствует себя удобно и привольно в любом обществе...»

[63, с.36].

Итак, проведя структурно-поэтический анализ повести А. Труайя, мы пришли к выводу, что образ Распутина даже в максимально исторических и претендующих на объективность трудах однозначно не определяется как положительный или отрицательный, он амбивалентный, соединяет в себе демоническое и почти святое начала. В образе Распутина подчеркивается его публичность, связь с политикой. Он самобытен: не зависит о царской семье, у него собственный взгляд на религию и на церковь, Священное Писание он трактует на свой лад. Его враги обвиняют его в пьянстве и разврате, а он утверждает, что Господу не нужны «чистенькие», что грехи людям посылает не дьявол, а сам Бог, чтобы человек мог познать грех и очиститься от него.

Враги строят козни Распутину, но он призван оберегать царскую семью от зла. Повесть, начавшаяся как нечто приближенное к житийному повествованию, формирует образ странный и неоднозначный, и в результате

читатель то влюбляется в «старца», сочувствует ему, то начинает верить слухам и ненавидит мошенника Гришку. Распутин – фигура, возникающая из ниоткуда, пропадающая в никуда. То он у всех на слуху, о нем слагаются мифы и легенды, то Григорий Распутин пропадает в странствиях, позволяя слухам приутихнуть.

Художественная литература, эксплуатирующая образ Григория Распутина, разнообразна в жанровом плане. Поэтические и структурные особенности каждого жанра, безусловно, способствуют определенным трансформациям образа Распутина, усилению или ослаблению ключевых мотивов, из которых конструируется сюжет о нем и его роли в судьбе России. В ходе дальнейшей работы мы рассмотрим образ Распутина и его трансформацию в таких жанрах как рассказ, притча, повесть, роман, стихотворение, выявим и охарактеризуем сохранившиеся и трансформировавшиеся мотивы, формирующие его литературный образ.

2.2. Репрезентация образа Григория Распутина в литературной традиции XX-XXI вв.

Данный раздел работы мы бы хотели начать с короткого, но чрезвычайно репрезентативного текста И.В. Евсина, который как нельзя лучше характеризует неоднозначность образа мифологизированного образа Григория Распутина:

«Прочитал как-то пьяница клеветническую книгу о Григории Распутине и подумал: «Надо же какой он был выпивоха. Больше меня пил». Прочитал эту же книгу блудник и тоже подумал: «Надо же, какой он был бабник. Похотливей чем я». А когда эту книгу прочитал праведник, то воскликнул: «Какой же праведной жизни был старец Григорий! Такие клеветы претерпел, что мне с ним никогда не сравняться!»

[27].

Данное произведение не перекликается с другими текстами, выбранными нами для анализа: ни по форме, ни по сюжетной схеме, ни по жанровому

своеобразие. Мотивные же блоки здесь представлены в редуцированной форме. Вместе с этим данный текст объемом всего в восемь предложений наглядно показывает разнопланность персонажа, которого можно повернуть к читателю «лицом» выпивохи, можно обнажить его «блудную натуру», а можно показать и «праведную жизнь старца». При этом какой-либо конкретной характеристики Григорий Распутин начисто лишен: сам автор не дает никакой оценки герою. Образ формируется через восприятие третьих лиц – условных и, в какой-т степени, стереотипных: бражника, блудника и святого. За каждым определением роли здесь закреплено соответствующие социально-культурные характеристики.

«Клеветническая книга», которую читают герои притчи, – это, по сути, *любая* книга о Распутине, *она тоже часть мифа*. Вышеизложенные нами соображения позволяют прийти к выводу, что любая из написанных книг о Гришке, несмотря на степень ее художественности, не может претендовать на сколько-нибудь весомую объективность. Именно поэтому каждый из читателей-героев видит в Распутине себя, одновременно наделяя образ Распутина своими собственными характеристиками. Образ Распутина-выпивохи мгновенно сменяется в тексте притчи образом блудника а затем образом праведника. Однако его финальная позиция не должна нас смущать: это не столько сигнал об истинной сущности героя, сколько намек на бесконечность интерпретаций, которые никогда не закончатся. Стоит книгу взять, скажем, снова пьянице, все повторится, и тогда структура притчи будет подобиться структуре докучной сказки, у которой нет конца и которая все время возвращается к своему началу. Возникающие и угасающие трактовки Распутина, таким образом, соединяются в один «мерцающий» образ, у которого нет единственной и конкретной характеристики.

Кроме этого, стоит отметить, что возникающие интерпретации образа легендарной исторической личности здесь подчеркнута антиномичны. Пьянство и блуд – полюс греха, терпение клеветы – полюс страсотерпчества и святости. Таким образом, можно смело сделать вывод о том, что притча И.В.

Евсина, несмотря на свой малый объем, имеет для нашего исследования принципиальное значение: в ней, по сути, представлен механизм мифологизации героя: соединение в одном образе диаметрально противоположных характеристик и мгновенное «переключение» интерпретаций, придающее образу своеобразное «мерцающее» существование в культурном контексте той или иной эпохи.

В данном параграфе к детальному структурному анализу привлечены основные распространенные и доступные нам художественные произведения о Григории Распутине конца XX – начала XXI в., а именно стихотворение Н. Гумилева «Мужик» (1916 г.), стихотворение Н. Клюева «Из Красной газеты» (1918 г.), рассказ Тэффи «Встреча с Распутиным» (1930 г.), роман В. Пикуля «Нечистая сила» (1989 г.), стихотворение В. Оксиковского «Распутин» (1992 г.), стихотворение Жанны Бичевской «Старец Одухотворенный» (2002 г.), роман Б. Акунина «Странный человек» (2009 г.). При сопоставлении всех названных текстов мы планируем выявить, какие мотивы, работающие на формирование мифологической личности Распутина, остаются в константными, какие получают дополнительное развитие, какие новые мотивы привносятся в разработку сюжетно-образного материала, а какие редуцируются или вовсе утрачиваются [18, с.59].

Образ Сибири как место происхождения «русского феномена» отображается в романе В. Пикуля в темных тонах. Здесь «экзотика», первобытность, православная вера рисуются не с точки зрения свободы, духовного очищения, устоявшихся традиционных ценностей, а, скорее, это дикое пространство, с дикими людьми, жившими по закону природы:

«Мужики, бабы и дети линчевали конокрада дрекольем. Экспертиза установила, что у конокрада были разорваны шейные позвонки, отчего он – по всем правилам! – должен бы умереть на месте. Однако вор доказал, что наука способна ошибаться. Замертво рухнув, конокрад вдруг воспрянул от земли и пулей влетел в деревенский кабаk. Там он хлестанул коcушку водки, закусил шматом жирной ветчины с хлебом, после чего покорился выводам медицины и умер на пороге, не расплатившись за выпивку и закуску...»

[47, с.22].

Рождается новая философия, отличная от философии светского Петербурга или других больших городов: «*Краденая кобыла дешевле купленной!*» [47, с.20]. Общество живущет в относительном достатке, но при этом процветает воровство, как неотъемлемый атрибут провинции. Одной из самых востребованных «профессией» считается конокрадство, несмотря на опасность деревенские мужики с охотой идут на такой заработок. Возможно, по этой причине до сих процветает миф о Распутине-конокраде. Пикуль в своем романе этот миф трансформирует в сюжетную линию, попутно презентуя *чудесное* общение Распутина с животными:

«Когда молодые на тройках ехали из церкви, кони вдруг уперлись перед домом – не шли в ворота. Все в бешеном мыле, рассыпая с грив прудничные цветы и ленты, под градом ожесточенных побоев, кони не везли молодых к счастью. «И не повезут», – сказал Гришка, стоя неподалеку... Молодуге же одной, отказавшей ему в любезности, Гришка кошачий концерт устроил. Со всего села сбегались коты по ночам к ее дому, и начинался такой содом, хогь из дома выселяйся...»

[47, с.55].

Еще более мрачным сибирское пространство и живущий там народ рисует Николай Гумилев, у которого

В чашах, в болотах огромных,
У оловянной реки,
В срубах мохнатых и темных
Странные есть мужики...

[24, с.192].

В его стихотворении «Мужик» (1916 г) нет и намека на цивилизацию, на современное тому времени общество. Здесь «экзотическое», как нечто дикое реализуется в большем объеме, более колоритно, чем в романе Пикуля «Нечистая сила». Все описания пространства Сибири здесь — описание «бездорожья», леса, тайги, в которую даже лучи солнца не пробиваются. Край этот «дикий и убогий». Живут там только «странные мужики», такие же

темные и мрачные, как и сама Сибирь.

Пунктирно, но уже заметно в иных тонах, образ Сибири представлен в стихотворении «Старец одухотворенный» Ж. Бичевской. Дикое и темное пространство преобразуется в голубые, синие, розовые и зеленые тона. Если выше мы указывали мрак, бездорожье, глухие чащи в качестве почти устоявшихся характеристик сибирского топоса, то здесь же мы видим совершенно полярный образ. Кстати, заметим, как и образ мифологизированного героя противоречив, так и образ мифологизированного пространство неоднозначен. «Экзотика» дикая, мрачная сменяется «экзотикой» поэтической:

Смотрит небо звездное русским синим оком.
В чутком сердце путника благодать и тишь
Белая березонька молится под боком,
В чистом поле зорьку не проспийшь...

[7].

Тэффи, не вдаваясь в подробности, лишь вскользь упоминает о том, что Распутин из Сибири. Ведь для ее современников с Сибирью связывались устойчивые представления, и самого упоминания этого топоса было достаточно Мифологизированный персонаж из мифологизированной Сибири.

В романе Б. Акунина образ Сибири значительно отличается от того, что создали в своих произведениях писатели-предшественники, а мы отметили выше. Здесь, Сибирь — не просто мифологизированное пространство, оно выдуманное. Пунктирно лишь упоминается, что Сибирь существует, что «странный человек» выходец с Уральских гор, но при этом описываются несказанные богатства этих мест, золотые рудники. Акцентируется традиционное восприятие мифологической земли как земли всеобщего изобилия.

Так мы можем сделать вывод, что Сибирь в романе Акунина — не темное, первобытное пространство, в котором живут дикие люди, ворующие и вершащие самосуд. Нет, это, скорее, цивилизованное, богатое общество, со

своими взглядами на мир, на человеческие ценности.

Итак, образ Сибири в художественных текстах, как и образ самого пришедшего оттуда Распутина, неоднозначен и реализуется в разных аспектах:

- это провинция со своими порядками, устоями, ценностями, на порядок ниже светского общества (В. Пикуль);

- это Богом забытый край, в котором царствует мрак, где нет и намека на признаки цивилизации (Н. Гумилев).

- это чистое, ни чем неиспорченное пространство, в котором торжествует природа и духовное начало (Ж. Бичевская).

- это пространство, наделенное характеристиками мифологической волшебной страны, берущими свое начало в фольклорной среде (Б. Акунин).

Из выбранных нами для анализа текстов встречаются и такие, которые практически никак не отражают и не называют пространство Сибири, таким является стихотворение Н. Клюева «Из красной книги». Здесь основной темой является революция в России и ее влияние на традиционные устои, ценности общества.

Мотив детства как период становление Распутина репрезентирован далеко не во всех текстах, но играет немаловажную роль в создании образа. Так например, стихотворения Н. Клюева, В. Оксиковского не отягощены почти никаким биографическим нарративом. В рассказе Тэффи, романе Акунина, стихотворениях Н. Гумилева, Ж. Бичевской присутствуют только краткие упоминания о внеполитической жизни Распутина.

Однако в романе В. Пикуля мотив детства Распутина как мотив происхождения и становления необычного героя, сыгравшего одну из решающих ролей в российской истории, является чуть ли не одним из центральных, так как служит своего рода объяснением происхождения «феномена».

Детство Распутина теснейшим образом связано с тем местом, где оно

проходило – с сибирским топосом. В контексте повести Анри Труайя мы рассматривали детство Распутина был преподнесен как период становления «старца», божьего избранника, спасителя. В контексте романа «Нечистая сила» данный мотив раскрывается в ином ракурсе. Здесь Распутин – ленивый мальчишка, воришка и плут:

«Один лишь Гришка зимами на печи лежал, а по весне вытаскивал кислые овчины под плетень, дрыхнул на солнцепеке. Среди крестьянских детей выделялся он крайней нечистоплотностью, отчего его на селе иначе, как «сопляком», и не звали»

[47, с.20].

Растет Распутин в полном достатке до смерти матери, после он вместе с отцом пропивает все нажитое и начинают слыть пьяницами, конокрадами. Распутин отличался от своих сверстников в Покровском, но не интересом к православной вере и своими не размышлениями не по возрасту, как это было у Труайя, а, скорее, образом жизни, внешностью, поведением: «Гришка подрастал в звериной молчаливости» [47, с.21]. Так к пятнадцати годам Распутин пьет вместе с отцом, его тянет на преступные «подвиги».

После смерти отца Григорий не возвращается в Покровское, а остается в Тюмени в поисках легкого заработка и беззаботной жизни. Здесь и проявляет он свой талант и дар конокрада. Образ Распутина-ребенка значительно трансформировался в сравнении с образом Распутина-ребенка в повести Труайя. Некоторые житийные мотивы, реализованные в повести, здесь полностью стираются. Нет и намека на духовное просветление Гриши Распутина, на его просвещение, стремление к Богу. Здесь создается образ сниженный, редуцированный фигуры до мальчишки-конокрада.

Детство Распутина – это некий подготовительный этап к *странствию*. Мотив странствия так же обусловлен различными факторами:

- Распутин идет навстречу Господу, призванию спасти человеческие души
- Распутин бежит от разъяренных жителей деревни
- Распутин уходит в поисках легкого заработка

В структуре повести Анри Труайя мы выделили духовную цель странствий Распутина, его влекла божественная сила, ему была уготована роль спасителя, некоего мессии.

Не в таких масштабах, но схожая цель странствий Распутина присутствует в стихотворении «Странник одухотворенный» Ж. Бичевской:

По святым обителям сколько было пройдено
Жаждою и голодом добыто не зря
Надо всем на Родине жить любовью к Родине
И стоять за батюшку Царя

[7].

Более подробно география странствий не прослеживается, но цель странствий ясна. Центральной темой является неоцененная жертва Распутина, положенная на спасение общества. Ради реализации данной цели «мученик Григорий» странствует, набираясь знаний, опыта и сил.

Мотив-странствия как поиски Бога в материальном мире, как духовная подпитка, реализуется и романе Акунина. Здесь дан уже «готовый» образ «странника». «Станный» здесь от слова странствовать. Григория зачастую так и называют «Странник». Из сюжетной линии выпущен мотив детства, но при этом довольно подробно представлена география странствий:

«в двадцать восемь лет резко поменял образ жизни и «пошел по Руси», то есть, собственно, стал Странником. Исходил все знаменитые обители и святые места, несколько раз побывал в Палестине»

[3, с.44].

В странствиях Григорий набирается сил, знаний, необходимых «божьему человеку». Странствия Распутина в романе Акунина – это бегство от бесов, которые растрачивают его силу:

«Человек я странный, засиделся я у вас, благодать-то и высохла... Нынче пчелкой по обителям смиренным, по скитам чудесным полечу. Меду благостного поднаберу. Как сызнава в силу войду – тогда ждятся... »

[3, с.85].

Странствующий «мужик» у Н. Гумилева совершает некий поход «не знаю куда». В этом поэтическом тексте не прослеживается мотивация, основанная на

духовном спасении, но нет и жажды наживы:

Путь этот - светлы и мраки,
Посвист разбойный в полях,
Ссоры, кровавые драки
В страшных, как сны, кабаках

[24, с.192].

Это не столько подвиг странничества, сколько своего рода путешествие, где ясны лишь «пункт отправления» и «пункт назначения».

Иная версия мотивации странствий «старца» у Пикуля. Здесь странствия – это стремление к легкому заработку, побег от недовольных жителей деревни. Проявляя свои нечеловеческие способности, Григорий вызывает гнев односельчан, что и побуждает его уйти из деревни. Этот факт рождает новый мотив, отличный от других встречающихся вариаций - мотив побега.

Распутин бродит по монастырям, святым местам. Скитания эти сказались на «старце», в деревню он возвращается через несколько лет после побега:

«Вел он себя странно. Движения стали беспокойны и порывисты, он ходил по селу, часто приседая, потирал руки. Речь иногда делалась бессвязным набором слов. А после нервного возбуждения наступала глухая, замкнутая депрессия... Вернувшись из Верхотурья, Распутин был явно ненормальным, потом он вроде оправился, и здесь летописцы отмечают страшный взрыв чувственности, словно нечистая сила поселила в нем беса блудного! Но грубую животную похоть Гришка неизменно облакал в формы богоугодничества — этим он невольно закладывал первый камень в фундамент будущей «распутинщины»

[47, с.57].

Внешне странствия здесь – так же некий путь к Богу, но сознательное отступление «старца» от веры православной рождает демонический образ, спрятанный под ликом праведного:

«—Ты из каковских будешь? – спрашивали мужики.
– Из таковских! Человек божий, по жизни прохожий»

[47, с.53].

В странствиях Распутин пропадает по несколько лет, он обходит все святые места, знакомится с людьми разного звания и сана. Так он попадает в

пышный и светлый *Петербург*.

Научившись, за долгое общение с разными людьми, правильно себя показать «старец» быстро привлекает к себе внимание. И здесь начинается новый этап. Пройдя «покровский период» жизни, странствия, Распутин доходит до пика популярности в столичном городе.

Петербург – противопоставление Покровскому. Как правило, в большинстве текстов - это город, готовящийся к революции или уже на пороге революции. Экзальтированное общество во главе с императрицей фактически находится в ожидании народного миссии.

Чужая для русского православного духа императрица, «добрый малый» - император, светское общество, почитающее европейские ценности, традиции, смешивающее искреннюю веру в Бога с языческими культами – все это способствовало появлению различных магов, ясновидящих и предсказателей. Именно такая почва подготовила появление такого персонажа истории, как Распутин. Светские рауты, толки о моде, о появлении «старца», дворцовые интриги и тому подобное – характеристики светского Петербурга. Таким мы видим его в романе Пикуля: интриги, заговоры, сплетни, жажда особо активных управлять если не Империей, то Императором. Такой столица представлена в романе Акунина: здесь важным оказывается забота о личном благополучии, стремление первым узнать «горячие новости», быть ближе к влиятельным лицам, лицемерие и обман.

Распутин в отношении с Петербургом реализуется в данном контексте в нескольких ипостасях:

- как спаситель царской семьи и общества от разрушающей силы Европы (А. Труайя)
- как юродивый, признающий свою силу (Б. Акунин)
- как персонификация грязной, испорченной, разрушительной силы (В. Пикуль)

В стихотворении Н. Гумилева Петербург на пороге революции, но эпитеты «гордая наша столица», «необозримая Русь», «потрясенная столица»,

обороняющаяся львица превозносят топос до гиперболических размеров.

Петербург, как вся Россия. Здесь столица – некое одухотворенное существо, которое подвергается нападению. Нет той пышности, противопоставленной Сибири, но есть патриотизм, попытки сохранить свои устои.

В пределах одного текста создан полярный образ Распутина. С одной стороны отсылки на инфантилизм, наивность, простоту; с другой, соблазнитель, оскверняющий Русь и православную веру.

Гипертрофированный образ зла, нечисти появляется в стихотворении Н. Клюева:

За то, чтобы снова чумазый Распутин
Плясал на иконах и в чашу плевал...
С кофейником стол, как перина, уютен
Для граждан, продавших свободу за кал

[31, с.448].

Петербург здесь не пышет дорогими убранствами, пышными нарядами и светским раутом. Революция стерла все, что можно было бы назвать цивилизацией. Здесь *«дым кровавых мятежей»*, *«Оторопь во мраке»*, *«гробовые вурдалаки»* - явные отсылки к Распутину, к его почитателям и царской семье:

Сгинут кровосмесители, проститутки,
Церковные кружки и барский шик

[31, с.448].

Здесь "зашифрована" явная отсылка к слухам, которые «бродили» по городу, из одного салона в другой: о интимной связи «старца» с Александрой Федоровной, о весомости его слова в царской семье, о близкой дружбе Распутина с некоторыми церковнослужителями. Революционный Петербург – это поле боя сверхъестественных сил добра и зла.

Появление Распутина в Петербурге – не осталось незамеченным. На загадочного «старца» обратил внимание Иоанн Кронштадтский, в светское

общество ввел иеромонах Феофан (В. Пикуль), сестры-черногорки Милица и Анастасия (отсылки в рассказе Тэффи), любовница-Императрица (Гумилев, «Мужик»). Таковы конкретные текстовые воплощения мотива дружбы Распутина и царской семьи.

Мотив дружбы царя и сибирского мужика неоднозначно оценивается и в истории, и в художественной литературе. Как правило, большинство предположений основано на слухах и толках. Превалируют два мнения:

- Распутин – добрый друг императора (И. Евсин)
- Распутин – вредитель в царской семье, втершийся в доверие к Николаю II и Александре Федоровне (А.Н. Варламов)

Оценка роли «старца» во дворце напрямую зависит от отношения автора и к Николаю, и к Григорию. Николай II во многих текстах оценивается как не самостоятельный, слабовольный, не решительный император – «сущий младенец Ники» [47, с.28]. В романе Пикуля Николай и вовсе неспособный управлять Империей, представляется в образе обидчивого мальчишки, склонного к пьянству. Его взросление и манера поведения никак не соотносятся с образом человека, управляющего большой страной:

«— Что он там еще натворил? — нахмурилась мать.

— Впрочем, ничего! Только носился по комнатам, все к чертям перевертывая.

Играл в прятки. Прятки так прятки, — согласился Шереметев, огорченно вздыхая.

— Но смею думать, что когда человеку с усами пошло уже на третий десяток жизни, мне кажется, что он мог бы проводить свои вечера более содержательно»

[47, с.30].

Сниженный образ царя в романе «Нечистая сила» подталкивает на создание рядом с собой более сильного персонажа. Таким сильным, решительным и непоколебим, героем-спутником стал Григорий Распутин. Он взял бразды правления в свои руки, одновременно еще сильнее подрывая тем самым авторитет Николая II, компрометируя его семью.

Мотив дружбы в романе В. Пикуля "Несичтая сила" представлен в несколько трансформированном формате относительно повести А. Труайя.

Николай II, как доверчивый «младенец Ники», почитает «старца», доверяя ему государственные дела и секреты царской семьи. Хлыст и соблазнитель Григорий, в романе В. Пикуля, пользуется приближенностью к царской семье, получает от этого материальную выгоду и удовлетворение собственных амбиций. Его «дружба» с царской семье позволяет ему безнаказанно совершать поступки, недоступные кому-либо. Так например, Григорию сходят с рук пьяные кутежи в кабаках, в который он, собственно сам, распускает слухи о своей близости с императорской женой; связь «старца» с хлыстами; соблазнение женщин разных возрастов и сословий.

Григорий Распутин и Николай Романов – герои спутники. Так или иначе, эта связка прослеживается в большинстве текстов. Даже в небольших по форме текстах реализуется связь «старца» и царской четы. В первом параграфе мы рассматривали данный мотив в контексте безвыгодной дружбы: Григорий – добрый гений, призванный защищать царскую семью. В романе Б. Акунина на первый план выходит иная связка: «Странник» - немецкий шпион Зепп, но прослеживается и интересующая нас пара: Григорий – Николай. «Станный человек» вхож во дворец, он целитель маленького цесаревича. Его фамильярное отношение с царской семье свидетельствует о их расположению к «старцу». Григорий здесь бескорыстный, но не бесхитростный «старец», советом и молитвой помогающий Николаю II в делах семейных и государственных.

У Тэффи менее явно реализован мотив дружбы старца и царя, но при этом упоминания в светском кружке о влиятельности Григория Распутина дает понять, что при дворе сибирский мужик занимает достойное положение. Так же и слухи о взятках, которые якобы принимал «старец», как благодарность за его веское слово перед императором, слухи о вольном поведении Распутина во дворце, как доказательство его приближенности к царской семье.

В стихотворениях сложнее проследить данный мотив, так как обладают они в основном обличительным или воспевающим пафосом. Но и здесь кратко упоминается о дружбе Романова и Распутина.

...И стоять за батюшку Царя
<...>
Царскою фамилией радостно встречаем
Другом величаем, был семьею всей...

[7].

В художественной литературе Григорий Распутин не просто друг семьи, он здесь выступает и как некий *духовный наставник*. В романе Бориса Акунина Распутина называют не только «старцем», «странником», но и «Учителем» [3, с.52]. В романе Пикуля происходит негласная конкуренция Григория Распутина с законным духовным наставником Императрицы Феофаном.

Как доказательство духовного наставничества «старца» можно и привести факт наличия множества его последователей и в Покровском и в Петербурге. В контексте повести А. Труайя мы говорили о своеобразной трактовке Распутиным религиозных вопросов, о его собственном способе прочтения Евангелия. В романе «Нечистая сила» у Распутина так же множество учеников, которые принимают его в своих салонах, едут за ним в Покровское. Распутин проповедует учения, распространенные у хлыстов, о необходимости греха, собирает своих учеников в банях и лесах, где они предаются «свальному греху»:

«в избе Распутиных частенько останавливались какие-то странницы в полумонашеском одеянии, приходили на закате солнца, а убирались с первой росой... Скоро села Покровского показалось Распутину мало — обесчестил и села окружные. Словно сатана какой, водил баб в лес тучами, там ставил кресты на елках, велел бабам молиться на него, а при этом плясал, дергаясь, обнимал всех и звал парней из соседней деревни — начинался свальный грех...»

[47, с.58].

В стихотворении Жанны Бичевской нет прямого указания на Распутина, как духовного наставника, учителя. Однако, контекст произведения, актуализирующий образ Распутина как «святого мученика», предполагает наличие последователей.

Не узнали ангела в путнике убогом
Бедному изгнаннику рай отверз врата
Скорби и гонения - это дружба с Богом
А любовь - несение креста

[7].

Здесь, как видим, на формирование мотива наставничества работает аллюзия к образу Христа, который вместе со своими Учениками претерпевал всевозможные лишения и гонения, неся людям свет новой веры.

Мотив *духовного наставничества* репрезентирован и в романе Акунина, но здесь он представлен несколько в трансформированной форме. Григорий здесь не собирает вокруг себя последователей, но его дар ясновидения, своеобразное поведение, толкование религиозных текстов и догматов привлекает к нему людей, желающих быть рядом с популярной личностью. Таковой является княгиня Зарубина, следующая за ним по пятам и множество других дам, живущих на квартире у «Учителя».

Не только речами о Боге, своеобразной трактовкой Евангелия и самобытными внешностью и поведением привлекал к себе внимание Григорий Распутин. Немаловажную роль в становлении художественного образа играют и его сверхъестественные силы.

Проявления *чудес*, творимых старцем – один из центральных мотивов в текстах о Григории Распутине. Чудеса, творимые старцем, мы можем, вслед за традиционными агиографическими исследованиями, подразделить на несколько типов:

- чудеса исцеления
- чудеса ясновидения, предсказания
- общение с животными
- воздействие на поступки людей

Мотивы общения с животными и воздействие на поступки людей используются в текстах реже. Как правило, они работают на характеристику героя, отражаются в некоторых портретных характеристиках: магнетический

взгляд «старца», его сверхчеловеческие способности. Он взглядом останавливает коня наскоку:

«Когда молодые на тройках ехали из церкви, кони вдруг уперлись перед домом — не шли в ворота. Все в бешеном мыле, рассыпая с грив праздничные цветы и ленты, под градом ожесточенных побоев, кони не везли молодых к счастью. «И не повезут», — сказал Гришка, стоя неподалеку...»

[47, с.55].

повелевает всем котам поселка сбежаться к одному дому:

«Молодухе же одной, отказавшей ему в любезности, Гришка кошачий концерт устроил. Со всего села сбегались коты по ночам к ее дому, и начинался такой содом, хоть из дома выселяйся...»

[47, с.55],

его жесты, «гримасы», позерство, танцы подавляли волю женщин:

«Зрелище было до того жуткое, до того дикое, что, глядя на него, хотелось завизжать и кинуться в круг, вот тоже так скакать, кружить, пока сил хватит. А лица кругом становились все бледнее, все сосредоточеннее. Нарастало какое-то настроение. Точно все ждали чего-то... Вот, вот... Сейчас...»

[64, с.397].

Одними из самых распространенных мотивов в данном блоке можно считать мотив проявления целительских способностей «старца». Толки о его чудодейственной молитве были распространены от Покровского до Петербурга. Будучи еще юношей, он исцелял молитвой животных [63], в Петербурге он исцеляет «убогих», царевича Алексея, светских дам. Несмотря на то, что этот мотив популярен во многих текстах, он, тем не менее, по-разному интерпретируется авторами.

В рассказе Тэффи упоминает о том, что уже в двенадцатом часу ночи Распутина со светского приема срочно вызвали в Царское Село. Прямых указаний на то, что он едет исцелять цесаревича нет, но далее героиня рассказа упоминает и о толках о чудодейственной молитве «старца», как бы намекая, что и его срочный отъезд – помощь ребенку, страдающему гемофилией.

Сам же Распутин рассказывает про то как исцеляет своей молитвой не только

ребенка, но и царицу [64, с.395].

В стихотворении Бичевской в двух стихах упоминается чудодейственная сила молитвы «старца»:

И от смерти чаемой их в мольбах спасаем
Светозарный отрок Алексей

[7].

Лишь молитва Распутина спасает «светозарного отрока», в то время когда все готовятся к худшему. Распутин здесь выступает в роли единственного спасителя ребенка, лишь благодаря «старцу одухотворенному» он жив.

Более широко репрезентируется мотив исцеления в романе Пикуля. Здесь Григорий Распутин исцеляет и лошадей в Покровской, и царевича Алексея в Петербурге, и фрейлину Анну Вырубову. Описания чудес были бы под стать образу «святого», однако Пикуль на каждое чудесное исцеление дает убедительное объяснение: лошадь поела нужных трав, кровотечение ребенка начиналось и останавливалось исключительно из-за мошеннических действий фрейлины Вырубовой:

«Тропинка исторических подозрений заводит нас в клинику доктора Бадмаева... Шарлатан снабжал Вырубову странным китайским снадобьем, которое увеличивало любое кровотечение, не только гемофилическое. Вырубова незаметно подсыпала эту отраву в пищу ребенка, а потом, когда болезнь обострялась, в интригу активно вторгнулся и сам Распутин, действуя «заговорами» или «божественной силой». Вырубова прекращала давать наследнику бадмаевские травы — наследник выздоравливал. В любом случае все трое имели выгоду: Распутин усиливал свою власть в царской семье, Вырубова держала в руках Распутина, а Бадмаев обретал право шантажировать обоих, что он очень тонко и делал!»

[47, с.365].

В романе Акунина присутствует схожий по сюжету фрагмент. «Странник» молится над умалишённым молодым человеком, после чего к нему возвращается разум и он начинает говорить. Казалось бы - ярчайший пример проявления чуда, однако русский юродивый Тимоша оказывается подставным немецким шпионом. Еще одним подставным чудом было пророчество

Распутина: одному из чиновников он предсказал скорую смерть через повешение. На следующий день после предсказания чиновника нашли повешенным в собственной квартире. Это тоже дело рук немецких шпионов. «Подставные чудеса» Распутина – своего рода элемент детективного романа, некая загадка, с последующим ответом как готовилось «чудо». Распутин здесь выступает в роли «старца», чью репутацию использовали немецкие шпионы для достижения своих целей.

Но это не единственные чудеса в романе Акунина. Как и Тэффи, Пикуль, Бичевская, Акунин использует мотив исцеления наследника престола. Когда медицина была бессильна, ребенку помогала только молитва «странника». Мотив исцеления ни в чем неповинного ребенка – тема, над которой иронизировать автор не может, а фантазировать, подрывать авторитет художественного героя, не хочет. Есть устоявшиеся факты о чудесном исцелении ребенка – Акунин и подает их как факты.

Чудеса предсказания – мотив, который сложно оспорить даже самому скептическому человеку. Предсказывает «старец» судьбу Империи, собственную судьбу, судьбу его врагов и друзей. Существует ссылки на наличие реальных предсказаний «старца», часть которых была уничтожена «новой властью», часть засекречена. Тем не менее, нам известно содержание одного из предсказаний Распутина, связанное с его смертью и гибелью Империи:

«Если я буду убит обыкновенными убийцами и моими собратьями крестьянами, ты царь России, тебе не надо будет бояться за своих детей. Они будут царствовать ещё много веков. Но если меня уничтожат дворяне, аристократы, если они прольют мою кровь, то руки их будут запачканы моей кровью 25 лет и они покинут Россию. Брат поднимется на брата. Они будут ненавидеть и убивать друг друга, и 25 лет в России не будет покоя. Царь земли русской, если ты услышишь звон колокола, который скажет тебе, что Григорий убит, знай, что один из твоих подстроил мою смерть и никто из твоих детей не проживёт больше двух лет... А если и проживёт, то будет о смерти молить Бога, ибо увидит позор и срам земли Русской, пришествие антихриста, мор,

нищету, порушенные Храмы Божьи, святыни оплёванные, где каждый станет мертвецом»

[22, с.116].

Элемент пророчества используется во многих текстах. Более широко и полно эту тему использует Борис Акунин. В его романе предсказания включены в сюжетную схему, автор не просто упоминает о возможностях «странника», но и включает его видения в текст в виде своеобразных эпиграфов, смысл, которых туманен и становится понятен только в контексте всего романа. Последним предсказанием «странника» в романе было предсказание о покушении на его жизнь (в контексте романа), о его смерти (в контексте истории):

«- Лечу-у-у, - тонко пропел «странный человек». – Ай бедная... Что кровушки-то, слез-то... ночь длинная, непросветная... Не грызитесь, не кусайтесь! ... Эх вы, глупые... Пропадете... <...>

-Пуститя! Что я вам сделал? Ой, нуро жжет! Иуда ты, Иуда! С рук ел, а сам... <...>

- Вода черная! Холод! Все теперя! Трижды умертвили!»

[3, с.58].

В финале романа Распутин после покушения на него уходит странствовать. В предсказании мы видим явные отсылки на реальное предсказание Григория Распутина о собственной смерти:

- после того, как убьют «божьего человека» родственники царской семьи, погибнет и Империя;

- отсылки на Феликса Юсупова, который втерся в доверие к «старцу», ради достижения своей цели;

- отсылки на способ убийства: яд, побои, револьвер («Трижды умертвили»)

- отсылки на сокрытие преступления («черная вода! Холод!»)

Предсказания, связанные с гибелью «старца» и Империи, являются самыми распространенными проявлениями сверхспособностей «старца» в текстах.

Авторы либо включают в текст элементы реального предсказания

Распутина о связи его гибели и судьбы Империи (Б. Акунин, Н. Тэффи), либо трансформируют текст, оставляя лишь самую суть предсказания, как мы это видим в стихотворениях Н. Гумилева и В. Оксиковского.

Очень метафорично Распутин предсказывает собственную смерть в стихотворении Гумилева:

Что ж, православные, жгите
Труп мой на темном мосту,
Пепел по ветру пустите...
Кто защитит сироту?

[24, с.194].

Опираясь на факты истории, мы выяснили, что Распутина убили в доме Юсуповых на Мойке, а уже позже его тело сожгли большевики. В стихотворении Гумилева акцент делается именно на посмертном *сожжении* тела «старца». Распутин в данном стихотворении предвидит смерть не от рук родственников Николая II, а уже посмертное уничтожение тела большевиками. Итак, в стихотворении Гумилева репрезентируется мотив предсказания смерти, но оно отличается от других предсказаний тем, что здесь «старец» не просто увидел будущее своей жизни, но и будущее своей смерти.

В несколько игривом и шутовском стихотворении, написанном Оксиковским, от лица Распутина реализуется метафорическое предсказание краха Империи и его причины:

Кто погнал Россию за Европой бежать?
Да в этакой телеге нужно вожжи держать!
А коль не держишь коней, так не гони,
Разлетится все, хоть кричи, хоть брани

[43, с.169].

Образ телеги – метафора, обозначающая Империю, соответственно, возничий – Николай II, который управляет страной, людьми. Направленность общества на Европу, слабость и несостоятельность Николая II послужили причиной трагической судьбы царской семьи и Империи.

Крах Империи предсказывает Распутин и в рассказе Тэффи. После

ужасающего и одновременно влекущего танца Распутин произносит:

«Одного не понимают: меня убьют, и России конец. Помни, умница: убьют Распутина России конец. Вместе нас с ней и похоронят»

[64, с.398].

Рассказ основан на воспоминаниях Тэффи о встрече с Г.Е. Распутиным. Соответственно мы можем предполагать, что именно это предсказание писательница услышала от самого «старца». Данное предположение мы сделали на основании того, что оно наиболее приближенно к реальному предсказанию Г.Е. Распутина, которое мы приводили выше, и, которое долгое время было засекречено. В таком лаконичном предсказании реализуется сразу две составляющие:

- Распутин примет мученическую смерть
- судьба Империи зависит от жизни Распутина

Говоря о пророчествах Григория Распутина, мы несколько затронули и мотив *мученической смерти* «старца». В романе Пикуля, в рассказе Тэффи, стихотворениях Н. Гумилева, Ж. Бичевской эксплицитно репрезентирован мотив гибели «старца», им самим предсказанной. Страшные сцены убийства, сокрытия преступления, поведение самого «мученика» позволяют нам говорить о проявлении *«мученического»* принятия смерти. На Распутина не действуют ни яд, ни смертельные удары, ни выстрелы в грудь (В. Пикуль, А. Труайя). Его топят в реке (В. Пикуль), сжигают (Н. Гумилев, В. Оксиковский), мучают (Ж. Бичевская). Мистики указывают на силу «старца», на божественную или бесовскую помощь. Скептики оправдывают подобную стойкость Распутина сибирским здоровьем, несостоятельностью и нерешительностью убийц, нейтрализующим действием алкоголя на яд.

Контекстуально отличается финал в романе Б. Акунина. На Распутина покушаются люди генерала Жуковского, который в романе выступает героем-противником «старца», но ему удается спастись и уйти странствовать. Здесь мы видим не физическое устранение Распутина, а его отстранение, в какой-то

степени отречение, от царской семье. Финал романа «Странный человек» мы можем интерпретировать, как несбывшееся пророчество: Распутин остается жив, будет жива и царская семья.

Интересен и заслуживает особого внимания мотив-характеристика внешности Григория Распутина. Практически во всех привлеченных для анализа текстах мы видим четкий портрет персонажа. Можно сказать, что описание Григория Распутина в художественных текстах – единственный элемент, не вызывающий существенных разногласий в описании.

Как правило, в портрете «старца» часто делается акцент на его глазах, обладающих магнетическими свойствами, на волосах и бороде, чаще имеющих неопрятный вид, на одежде «старца» в период его странничества, в период жизни в Петербурге.

У Н. Гумилева мы видим Распутина со

Взглядом, улыбкою детской,
Речью такой озорной, -
И на груди молодецкой
Крест просиял золотой

[24, с.193].

Пример особого детского взгляда Распутина. «Детский взгляд» как символ чистоты и наивности. Явное расхождение с описанием магнетического, гипнотизирующего взгляда «старца», уже ставшим традиционным. Отличительной особенностью данной интерпретации портрета Григория Распутина является и некоторое указание на его возраст. «Молодецкая грудь» Григория выдает его истинный возраст. Э. Радзинский в биографии Распутина акцентирует внимание на том, что сведения о дате рождения «сибирского пророка» противоречивы. Однако историк приходит к выводу о том, что Григорий Распутин был моложе Николая II [55, с.35].

У Тэффи более подробный портрет, но с теми же нотками озорства, игры:
«Роста довольно высокого, сухой, жилистый, с жидкой бороденкой, с лицом худым, будто втянутым в длинный мясистый нос, он шмыгал блестящими,

колючими, близко притиснутыми друг к другу глазками из-под нависших прядей масляных волос. Кажется, серые были у него глаза. Они так блестели, что цвета нельзя было разобрать. Беспокойные. Скажет что-нибудь и сейчас всех глазами обегает, каждого кольнет, что, мол, ты об этом думаешь, доволен ли, удивляешься ли на меня?»

[64, с.386].

Говоря о некоем озорстве, позерстве, скрытости, выделим своеобразный портрет в стихотворении В. Оксиковского. Здесь с одной стороны, описания персонажа присутствуют, с другой – нет ни одной конкретной черты. Загадка личности Григория Распутина здесь проявляется в сокрытие его внешних данных. Это своего рода «минус-прием»:

Ах, как тебе надо знать, ну, кто я такой.
Ну, Гришка-конокрад, ну, мужичишка простой
Самый что ни есть, от низин до глубин,
Самый что ни есть, а не брюнет, а не блондин

[43, с.168].

Более полные и подробные портрет «старца» отображается в романах В. Пикуля и Б. Акунина.

В. Пикуль, как скептик и явный противник «распутинщины», дает более резкие негативные портретные данные Распутина, акцентируя внимание читателей на длинных желтых ногтях, гнойных с бельмом глазах, клочковатой бороде и свисающих волосах.

Пикуль дает портрет Распутина на различных этапах его жизни:

«Вырос костлявым, мокрогубым, бессловесным, рано полезла из него мужская растительность»

[47, с.20].

Создавая портрет юного Распутина, Валентин Пикуль делает акцент на раннем взрослении героя, на его безобразных чертах. Говоря о детстве Распутина в контексте романа «Нечистая сила», мы упомянули о том, что в деревне за Распутиным закрепилось прозвище «сопляк». Данный портрет оправдывает такую характеристику:

«На высоком лбу его краснела шишка – застарелый след удара, полученного в

кабацкой сваре, а шишку он закрыл длинными прядями волос. Покрытый оспинами нос выступал далеко вперед, похожий на иззубренное лезвие топора. Кожа лица была морщинистой и загорелой, а правый глаз Гришки обезображивало желтое пятно. Смотрел на всех муторно и беспокожно – противно эдак-то поглядывал»

[47, с.53].

В облике Распутина в период жизни в Покровском особенно подчеркивается его «взгляд». Если у Тэффи взгляд Распутина характеризовался как магнетический, в романе Б. Акунина взгляд «странника» назывался испытующим, пытающимся проникнуть в душу, то здесь его взгляд «муторный и беспокойный», вызывающий отвращение:

«был одет в простой, дешевый, серого цвета пиджак, засаленные и оттянувшиеся полы которого висели спереди, как две старые кожаные рукавицы. Карманы были вздуты, как у нищего, кидающего туда всякое съедобное подаяние. Брюки такого же достоинства, как и пиджак, поражали своей широкой отвислостью над грубыми халявами мужицких сапог, усердно смазанных дегтем. Особенно безобразно, как старый истрепанный гамак, мотался зад брюк! Волосы на голове старца были причесаны в скобку. Борода мало походила на бороду, а казалась клочком свалявшейся овчины, приклеенным к его лицу, чтобы дополнить все его безобразие. Руки старца были корявы и нечисты. Под длинными и загнутыми внутрь ногтями полно грязи. От всей фигуры несло неопределенным, но очень нехорошим духом...»

[47, с.83].

Облик Распутина в период его жизни в столице в романе В. Пикуля дан глазами Илиодора. Здесь автор акцентирует внимание на одежду «старца», его неопрятный и безобразный вид. Ни один портрет нельзя считать нейтральным. В разные периоды жизни «старец» - воплощение нечисти.

Несколько иные акценты делает Акунин на портретных данных «странника»:

«важно шел высокий костлявый мужик — самый натуральный: длинные волосы расчесаны надвое, борода лопатой, в перепоясанной малиновой рубахе, в сапогах бутылками»

[3, с.36].

Здесь мы видим уже нейтральный портрет сибирского мужика. По сути та же «костлявость», длинные волосы, борода, но лишённые негативной авторской оценки.

Итак, подведем некоторые итоги, завершив данный раздел работы. Во второй главе мы проследили ряд репрезентаций образа Г.Е. Распутина в текстах разных жанров. В результате проведенного мотивного анализа мы пришли к заключению, что, несмотря на существующую и сохраняющуюся полярность интерпретаций «старца», имеется ряд общих мотивов, довольно регулярно эксплуатирующихся разными авторами для создания убедительного (в рамках конкретной художественной идеи) образа героя. Историческая личность, уже ставшая национальным архетипом, репрезентируется в текстах в образах простого сибирского мужика, нечисти, посредника между народом и Богом, святого и так далее.

Григорий Распутин как персонаж художественной литературы востребован на протяжении целой эпохи. В нашей работе использовались тексты с 1916 - 2013 гг. – свидетельство незатухающего интереса к одной из самых скандальных исторических личностей, которые прошли процесс мифологизации и стали объектом культурного наследия.

Мы рассмотрели лишь часть художественных произведений, репрезентирующих образ Григория Распутина. Однако текстами мифологизация личности Распутина не ограничивается, он интересен и популярен не только в литературе, но и в других формах медиальной культуры. В культурном контексте XX-XXI века особого внимания заслуживают иные репрезентации образа.

2.3. Репрезентация образа Григория Распутина в различных формах медиакультуры

Загадочный и странный старец — интереснейший объект не только для художественной прозы и поэзии, но и для мультимедийной культуры. Обладающий мифологической сущностью, образ Григория Распутина закономерно существует больше чем в одной медиальной среде. Во второй половине XX века образ «загадочного старца» обретает популярность не только в литературе, но и на телеэкране, в музыкальных композициях, появляется множество научных исследований, посвященных интерпретации образа, в глобальной сети Интернет появляется огромное количество научных и «лженаучных» работ, авторы которые стремятся доказать святость или греховность Григория Распутина, в социальных сетях создаются группы поклонников оклеветанного старца.

В наши дни образ Григория Распутина эксплуатируется в различных медиальных формах, порой придающих ему новые черты, зачастую противоречащие друг другу. Здесь мы видим и - художественные фильмы («Распутин» (реж. Жозе Дайан, 2013 г.), «Заговор» (реж. Станислав Либин, 2007), «Распутин» (реж. Ули Эдель, 1996 г.), «Агония» (реж. Элем Климов, 1981 г.), «Распутин - сумасшедший монах» (реж. Дон Шарп, 1967 г.), «Григорий Р.» (А. Малюков, 2014г.), «Хеллбой: герой из пекла» (реж. Гильермо Дель Торо, 2004 г.).

Самые первые немые художественные короткометражные фильмы о Григории Распутине начали выходить с марта 1917 г. Все они без исключения демонизировали личность Распутина, выставляя его и Императорскую Семью в самом неприглядном свете. Так и в современном кинематографе фигура Григория Распутина оказывается под пристальным прицелом камер. Режиссеров привлекает загадочность старца, его образ – это просторное поле для полета фантазии. Режиссер Гильермо Дель Торо в своей работе представил публике некое потустороннее существо, которое угрожает всему человечеству.

Его фильм – это экшн, в большей степени, направленный на молодежную аудиторию. Иная точка зрения, например, у отечественного режиссера А. Малюкова, который представил Григория Распутина добродетельным старцем, «добрым гением царской семьи», спасителем цесаревича. Фильм Жозе Дайан – это своеобразная экранизация мемуаров князя Феликса Юсупова «Как я убил Распутина. Воспоминания». Здесь режиссер должное внимание уделил сцене убийства Распутина, показав со всеми деталями, как убивали «старца»: мадера, пирожные, револьвер. У каждого из режиссеров свое видение образа «странного старца», его загадочность привлекательна для режиссеров тем, что можно создать «своего Распутина», в котором без труда узнают прототип.

- мультипликационный фильм («Анастасия» (реж. Дон Блут и Гэри Голдман, 1997). Григорий Распутин здесь – нечто бессмертное, зловещее. Он схож с образом, который создал Гильмеро Дель Торо, но Распутин Дон Блута и Гэри Голдмана – это человек, продавший душу дьяволу, в какой-то степени комичен, в какой-то глуп, в некоторой степени страшен. Здесь Григорий Распутин – вариация на тему фольклорной Бабы-Яги.

- документальные фильмы («Дело Х. Следствие продолжается. Дело о мистической силе Григория Распутина», «Голубая кровь. Гибель империи», «Исторические хроники с Николаем Сванидзе. 1915 год. Григорий Распутин») и телепередачи ((«Григорий Распутин. Чисто русское убийство» (ТВ передача ОРТ, эфир от 15 и 16.02.05), «Мифы о Григории Распутине. Чисто английское убийство» (ТВ передача НТВ, эфир от 30.12.06), «Загробные приключения Григория Распутина» (ТВ передача «Поедем в Царское Село», канал «Культура», эфир от 16.06.05) .

Как уже было упомянуто выше, образ Распутина неоднозначен и спорен. Как при жизни Распутина, так и в наши дни существуют и последователи «старца», и хулители «мошенника Гришки». В документальных фильмах используются различные документы, материалы, переписки, с помощью которых пытаются доказать или опровергнуть верность одной из сторон. Существуют и телепередачи, в которых лишь констатируется факт

существования Григория Распутина, комментируются факты из его биографии и утверждается спорность интерпретации его образа. Как правило, существенный вклад в освещение личности Распутина такие работы не вносят. Высказывается лишь субъективное мнение на личность Распутина, его влияние на политику государства, его образ жизни.

- песни («Rasputin» (исполнитель: группа Boney M.) [Прил. 2, трек 1], «Григорий Распутин» (исполнитель Александр Малинин, автор В. Оксиковский) [Прил. 2, трек 2], «Старец Благословенный» (автор-исполнитель Жанна Бичевская) [Прил. 2, трек 3], «Мертвый Распутин» (трэш-группа «Коррозия метала») [Прил. 2, трек 4]. Кроме вышеуказанных существует множество других композиций, посвященных фигуре Распутина, отлично друг от друга характеризующих его. Представленные песни репрезентируют совершенно противоположный друг другу образ. Так, например, произведение «Старец благословенный» - это «песня-житие» оклеветанного и замученного старца, незаслуженно обвиненного в тяжких грехах. «Машина любви», «Настоящий самец», «Учитель, которого бы пожелала любая» - это характеристика Распутина от шведской группы Boney M, которая противоречит вышеуказанной характеристике, данной явной почитательницей старца Жанны Бичевской, но, несмотря на характеристики, противоречащие друг другу, слушатель узнает прототип, соотносит две разных трактовки с одним прототипом.

Стихотворение В. Оксиковского в исполнении А. Малинина – игра со слушателем от лица самого Григория Распутина. Веселый мотив (можно сказать народный), указывающий на происхождение Распутина, припев – это намек на неразгаданную до сих пор загадку о личности «старца».

- визуальное воплощение образа старца (иконы, портреты, фотографии, карикатуры). До наших дней сохранилось множество разнообразных фотографий и портретов, на которых Распутин запечатлен с царской семье [Прил.1, илл.1], с поклонниками [Прил.1, илл. 2, 3], с детьми [Прил. 1, илл. 4, 5], один [Прил.1, илл. 6]. Большое количество фотографий, сохранившихся до

наших дней, представляют собой изображение мужика из глубинки и являются одним из доказательств популярности старца. Почти на всех фотографиях Григорий Распутин облачен в рясу или скромную крестьянскую одежду [Прил.1, илл. 7], он изображен среди почитающих его лиц [Прил. 1, илл. 8] или в одиночестве, чем складывается образ смиренного старца, проповедующего своим ученикам слово Божье. Совершенно иного Григория мы видим на некоторых портретах: растрепанные волосы, «бесноватые глаза», пугающие смотрящего [Прил. 1, илл. 9]. На таких портретах праведный старец с фотографии превращается в демона, стремящегося своим магнетическим взглядом загипнотизировать.

Будет ошибочно утверждать, что внешний образ Григория Распутина до нас дошел лишь на фотографиях и портретах. Благодаря фанатам и поклонникам Распутина, верующих в святость старца, появляются иконы с ликом «Святого Григория Новых-Распутина» [Прил. 1, илл. 10, 11, 12]. Противоборствующая сторона тем временем создает множество карикатур, высмеивающих «святость Гришки», его отношения с царской Николаем II и его женой [Прил. 1, илл. 13, 14, 15, 16, 17].

Акцентируем свое внимание на карикатурном образе «старца» и его изображениях на иконах, так как считаем, что это совершенно разноплановые и полярные аспекты визуальной рецепции образа, заслуживающие более подробного комментария.

На Распутина карикатуры создаются по сей день. Этот факт свидетельствует о значимости личности в истории, хотя и, скорее, отрицательной, ведь карикатура – это намеренно искаженное, пародийное, подчеркнуто смешное изображение лица или события (обычно графическое) [толковый словарь русского языка под ред. Ефремоваой Т.Ф.]. Мы не нашли ни одной карикатуры на истинно святого – Сергия Радонежского, Иоанна Крондштатского и других православных подвижников, и это не удивительно, ведь сомнений в их святости не было, чего совершенно нельзя утверждать по отношению к «старцу» Григорию, и при жизни и после смерти вызывавшего

множество недоверия. И при его жизни возникали, и в наши дни появляются его искаженные портреты-карикатуры, высмеивающие тот или иной факт его жизни и образ в целом.

Зачастую карикатуры, сделанные на Гришку Распутина, не имеют авторства, либо авторство было утрачено в ходе бесконечного распространения злой пародии на «старца». Самые популярные рисунки посвящены отношениям Распутина с царской семьей. Здесь отображаются «пляски царя под дудку» сибирского мужика [Прил. 1, илл. 16], интимные отношения «старца» с царицей [Прил. 1, илл. 18]. Карикатура «Российский царственный дом» – это пародийный акцент на «важность» Гришки и никчемность царской четы [Прил. 1, илл. 13]. На картинке «старец» держит «Ники» и «Аликс» на коленях, словно маленьких детей. На наш взгляд, это сатирическая характеристика рычагов управления в государстве, ведь большинство исследователей склоняются к версии, что Григорий Распутин через благосклонную к нему царицу управлял делами Николая II, а позже уже самому царю давал рекомендации по смещению министров, назначая на их места своих «приятелей». Данная карикатура как нельзя лучше указывает на популярное в народе мнение о том, кто же на самом деле управлял империей. Грозный вид Григория, ухмылка Александры Федоровны и глупое довольное выражение лица Николая II расставляет приоритеты у трона. И, более того, характеризует личности «детей» - хитрая и глупый. Важно упомянуть и размеры изображенных: огромный, в профиль «старец» и непропорционально маленькие «Ники» и «Аликс»: визуальная характеристика силы и мощи Распутина и беспомощности, несамостоятельности царской четы.

Обличение отношений с царской семьей — не единственная тема карикатур. Так же популярным было изображать Распутина в светском обществе. В основном его окружали дамы. Версия об эротических похождениях «старца» отображена в карикатуре «Ишь ты, заплясали!» [Прил. 1, илл. 19]. Так же здесь отображена версия и причастности Гришки к хлыстам: он сидит на троне, а вокруг него пляшут полуобнаженные женщины. Как нам известно,

атрибутом хлыстовских радений и являлись пляски в белых сорочках на обнаженное тело. Говоря об эротических похождениях Распутина, нам нужно снова обратиться к Александре Федоровне: версия об их интимных отношениях как нельзя лучше отображена в карикатуре ««Самодержавная» Алиса и Распутный Гриша» [Прил. 1, илл. 18], где царица и «Распутный» совместно принимают ванну. Не менее интересна карикатура, на которой задумавшегося серьезного «старца» обступили царская чета, министры и, скорее всего, фрейлина А.А. Вырубова, в ожидании ответа [Прил. 1, илл. 20]. Центральная позиция Григория на фоне высшего светского общества – это высмеивание идеологии, сложившейся ситуации в империи. На первый план в истории выступил необразованный сибирский мужик, он крепко связан с царской семьей. На одной линии оказывается правящая династия Романовых и «мужицкий» род Распутиных.

Изображение Распутина с бутылкой в одной руке и обнаженным царем в другой, среди ангелов и демонов, окруженного обнаженными женщинами с нимбами над головами – одна из самых жутких карикатур на «старца» и эпоху в целом [Прил. 1, илл. 21]. Изображение стилизовано под икону, но на нем соединен грех и праведность. На наш взгляд, художник Н. Иванов (автор карикатуры) точно отметил суть действительности: пока одни превозносят грешника как святого, другие готовят ему место в аду.

На всех карикатурах Г.Е. Распутина особо заметны и выделяются его *глаза* (практически всеми современниками, как мы оговаривали выше в работе, отмечался магнетизм его взгляда); он изображается с подчеркнута *большим носом* – отсылка к фаллическому символу, связанному через обоняние с чувственностью и половыми органами [72, с.532], чем делается намек на похождения Распутина и его методы изгнания «блудного беса»; у Распутина *большие руки* – символ орудия воздействия на окружающий мир, интерпретация его как медиатора в передаче духовной и физической энергии. Вообще рука ассоциируется с идеей активности и господства и часто выступает

символом бога, орудием творения и разделения времени, объектов и явлений тварного мира на парные оппозиции [72, с.560] [Прил. 1, илл. 14, 17, 22].

В противовес карикатурам необходимо обратить внимание на образ Распутина на псевдоиконах (настоящих икон не существует, так как Распутин не канонизирован). Здесь мы видим совершенно иного Григория, он – олицетворение смирения, скорби и веры [Прил. 1, илл. 10, 23, 24]. Изображение Григория Ефимовича Распутина с царской семьей здесь кардинально отличается от их же изображений на карикатурах. Григорий здесь не занимает первого плана, наоборот, он изображен либо в стороне, либо на заднем плане [Прил. 1, илл. 25, 26]. На таких иконах Распутин символизирует силу, охраняющую царскую семью, в особенности цесаревича Алексея, которого «старец» спасал при жизни. Особенно четко эта идея репрезентирована на иконе, где Распутин прикрывает мальчика своей рукой и плащом, словно действительно пытается защитить от чего-то – так здесь в зрительных образах реализована версия о том, что только Григорий Распутин мог остановить кровь больного гемофилией ребенка [Прил. 1, илл. 12].

- популярность Распутина в социальных сетях. Последователи Распутина не исчезли со смертью старца, и в наши дни существует множество объединений, почитающих его. В социальных сетях существует множество групп фанатов, которые собирают фото, видео, литературу, иконы с ликом Григория Распутина.

- секты. Среди многочисленных сект в России существуют и объединения последователей Григория Распутина, «безумного монаха». Иконам с его ликом приклоняются, ему молятся, более того, с 1990-х годов были попытки канонизировать «Святого мученика». Существует так же группы-секты в социальных сетях («Секта поклонников бороды Распутина», «Григорий Распутин - Новый: мученик за Христа и за Царя, друг Святой царской семьи новомученик Григорий»)

- коммерческое использование имени Распутина (Пивной клуб «РаспутинЪ» (Тобольск); strip club (Севастополь); водка Rasputin, производится в различных

видах компанией Dethleffen в г. Флексбург (Германия); пиво «Old Rasputin», производится компанией North Coast Brewing Co. (Калифорния, США); сигареты «Rasputin black» и «Rasputin white» (США); мужской эротический журнал «Распутин», выходящий один раз в месяц на русском и английском языках) [Прил. 1, илл. 18].

Подведя черту под вышесказанным, отметим, что образ Григория Распутина с завидной регулярностью воспроизводится как в художественных текстах, так и в других формах репрезентации. Появление различных вариаций трактовок образа свидетельствует о том, что споры вокруг исторической данной личности ведутся и по сей день. Дискурсивный контекст мифов о Распутине определяет мифологичность образа, его сохраняющиеся полярные интерпретации.

В данной главе, опираясь на историческую повесть Анри Труайя как на своеобразный инвариантный текст-биографию, мы выделили ключевые мифологемы жизни Григория Распутина, на основании которых выявили цепочку ключевых мотивов разного свойства. Проведя контекстуальный и мотивный анализы художественных текстов разных жанров, отмечаем, что основные мотивы, выделенные нами как ключевые, присутствуют практически во всех текстах с разной степенью значимости и приоритетными акцентами. Данный факт позволяет нам, в свою очередь, утверждать, что образ Григория Распутина, к началу XXI века прошедший стадии мифологизации, демифологизации и ремифологизации, в существенной степени оторван от прототипа.

Заключение

В настоящей работе мы предприняли попытку определить ключевые аспекты мифологизации и трансформации образа Григория Распутина в культурном контексте конца XX-XXI вв. В рамках исследования мы провели мотивный анализ историко-биографического текста, принятого нами в качестве инварианта-первоосновы (повесть А. Труайя), который показал нам основные ключевые мотивы, являющиеся сквозными в структуре произведений художественной литературе и других формах медиальной культуры. На основании выделенной нами основной сюжетной линии мифологем мы рассмотрели образ Григория Распутина на различных этапах его жизни: Покровское, странничество, Петербург, дружба с Царем, проявление чудес, мученическая смерть.

Исследование показало, что образ Г.Е. Распутина отвечает всем требованиям и критериям мифологизированной личности. Образ «старца» - открытое пространство для мифотворчества. Мифами и легендами Распутин обрстал как при жизни, так и после смерти, что продолжается вплоть до наших дней. Наличие героя-спутника, также один из признаков мифологизированной личности. Таким героем-спутником для Григория Распутина стал император Николай II. Мотив дружбы царя и старца репрезентируется практически во всех представленных нами текстах. В зависимости от вектора интерпретации образа делаются акценты и на причинах сближения героев-спутников. Вариации интерпретаций так же играют немаловажную роль в становлении мифологизированной личности, в исследовании мы рассматриваем такие реализующиеся ипостаси Г.Е. Распутина как:

- друг и наставник царской семьи,
- сибирский мужик, бредущий по миру,
- персонификация злых сил, подтолкнувшая Империю к краху,
- юродивый, ставший жертвой интриг,
- святой, подвергшийся гонениям.

Несмотря на обилие различных по форме, степени научности и авторитетности трудов, посвященных жизни Григория Распутина, нами не были найдены работы, посвященные именно репрезентации образа Григория Распутина в культурном контексте. Таким образом, подобный анализ ключевых мотивов позволяет говорить о реальных доказательствах мифологизации образа.

Из всех текстов, отобранных нами для анализа, мы выделяем повесть Анри Труайя «Распутин» как наиболее полную и достоверную, на основании которой мы выделили сюжетную схему с ключевыми мотивами. В художественных произведениях структурные компоненты сюжета и мотивы представлены как в полном объеме (В. Пикуль, Б. Акунин), так могут быть реализованы лишь некоторые составляющие сюжета и мотива (Н. Гумилев, Ж. Бичевская, Тэффи, Оксиковский). Нами был обнаружен и такой пример текста, в котором образ Распутина реализовался лишь в двух мотивных аспектах (Н. Клюев).

Легенда о сибирском мужике, покоровшем столицу, обладает огромным художественным потенциалом. Масштаб личности героя и героя-спутника, как неразделимой связки, определил и масштаб влияния на художественную литературу и на различные формы медийной культуры. В нашей работе мы акцентируем внимание не только на художественных текстах, но и на художественных и документальных фильмах, на музыкальных композициях, визуальном воплощении внешности Распутина (фотографии, портреты, карикатуры, иконы), коммерческом использовании его имени. Мы пришли к выводу, что медийный образ «старца» имеет полярные интерпретации. В контексте художественных фильмов актуально, что воплощение экранного образа – субъективное видение режиссера, как и субъективное мнение писателя, художника. Это касается и режиссеров документальных фильмов. Так как нет конкретики в реальном образе, нет и его объективного воплощения. Так или иначе, при любом варианте медийной трансформации образа Распутина работают стереотипы, устоявшиеся мифы, полярные мнения, и художнику часто остается только выбрать, какую точку зрения выбрать.

С каждой культурно-исторической эпохой появляется все больше разнообразных произведений. В нашей работе представлены тексты с 1916 года по 2013 – почти целое столетие создавались тексты, содержащие различные интерпретации образа. В первой половине XX века преобладают сюжеты с негативной окраской образа, вторая половина XX века вносит в тексты некоторые признаки эстетизма образа, попытки объяснения тех или иных поступков героя. В XXI происходит деконструкция мифа – образ Григория Распутина чаще воспринимается если не как образ святого, то как образ жертвы, принудительно вовлеченной в интриги.

Также подчеркнем, что, говоря о репрезентации образа Распутина в литературных произведениях, нами не было выявлено факта какого-либо преобладающего жанра. Мы не можем утверждать, что превалирующим жанром в художественной литературе является роман или любой другой жанр, а в медийной форме, допустим, художественный фильм-экшн. Сюжет о «загадочном старце» носит межжанровый характер и может реализовываться в различных жанрах и формах. Легендарность образа – своеобразный допуск к фантазированию. Сохраняя основные биографические данные, автор вправе творить.

Споры вокруг исторической личности Распутина, степени достоверности различных фактов его жизни (возраст, семья, странствия) не прекращаются и по сей день. Дискурсивный контекст мифа дополняется новыми или «вновь открывшимися» фактами. Полагаем, что процесс этот будет продолжаться и далее, открывая художникам разного уровня новые грани для интерпретации образа, а исследователям-литературоведам обеспечивая возможность проводить новые исследования комплексного характера на более высоком уровне обобщения.

Список литературы

1. . Агафанагел Свято-Троицкий монастырь : 350 лет служения / игумен Агафанагел (Дайнеко). - М.: институт экономических стратегий, 2010. - 207 с.
2. Анисимов, К.В. Россия как объект литературного воспроизведения. Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве / К.В. Анисимов — Красноярск : СФУ, 2010. - 237 с.
3. Акунин, Б. Смерть на брудершафт: роман-кино. Фильма пятая / Б. Акунин. – М.: АСТ : Астрель, 2010. – 454 с.
4. Базанов, В. Г. С родного берега: о поэзии Н. Клюева / В. Г. Базанов - Ленинград : Наука, Ленинградское отделение, 1990. – 241 с.
5. Барт, Р. Мифологии / Р. Барт. - М. : Академический проект, 2008. - 351 с.
6. Бахтин, М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1990. - 541 с.
7. Бичевская, Ж.В. Странник одухотворенный [электронный ресурс]. – режим доступа: <http://melody24.net/lyrics/313>
8. Блажес, В.В. Народная история о Ермаке / В.В. Блажес – Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2002. – 186 с.
9. Боханов, А.Н. Николай II / А.Н. Боханов. — М.: Вече, 2008.— 528 с.
10. Боханов, А. Н. Распутин. Анатолия мифа / А. Н. Боханов. – М.: Проспект, 2000. - 413 с.
11. Боханов, А.Н. Правда о Григории Распутине [Электронный ресурс] / А.Н. Боханов // электронная библиотека ROMANBOOK. 2011. - Режим доступа: <http://romanbook.ru/book/8349281/>

12. Боханов, А. Н. Распутин. Быль и небыль / А. Н. Боханов. – М.: Вече, 2006. – 396 с.
13. Варламов, А. Н. Григорий Распутин-Новый / Алексей Варламов, 2008. – 850 с.
14. Веселые человечки: Культурные герои советского детства: Сб. статей / И. Кукулин, М. Липовецкий. – М.: Новое литературное обозрение, 2008. – 554 с.
15. Возчиков, В.А. Костер для «святого черта»: историко-литературное исследование / В.А. Возчиков, Ю.Я. Козлов, К.Г. Колтаков. – Бийск : НИЦ БиГПИ, 1998. – 222 с.
16. Волков, А.А. Около царской семьи / А.А. Волков. – М.: частая фирма «Анкор», 1993. – 236 с.
17. Вырубова, А. А.. Фрейлина Её Величества: "Дневник" и воспоминания А. Вырубовой / А.А. Вырубова. –М.: Советский писатель, 1991. - 268 с.
18. Гайдукова, Е. Б. Сюжет о царе-старце в русской литературной традиции (император Александр I Благословенный и святой праведный старец Федор Кузьмич) / Е.Б. Гайдукова. – Красноярск : Красноярская государственная академия музыки и театра, 2012. – 224 с.
19. Гайдукова, Е.Б. Медиальные трансформации легендарного сюжета о старце Федоре Кузьмиче [электронный ресурс] – режим доступа: <http://www.pandia.ru/text/77/490/2546.php>
20. Горюшкин, Л. М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900-1917 гг.) / Л. М. Горюшкин ; отв. ред. И. Д. Ковальченко, 1976. - 341, 2 с.
21. Голубева, Т. От Руси к России. Царские династии./ Т. Голубева. - М.: РОСМЭН, 2001. - 143 с. 52-60

22. Григорий Распутин: Сб. ист. материалов: В 4 т. Т. 3, 1997. - 365 с.
23. Григорий Распутин: Сб. историч. материалов : В 4 т. Т. 1, 1997. – 541
24. Гумилев, Н.С. Стихотворение и поэма .Костер / Н.С.Гумилев. – М. : Артель. Полиграфическое издательство, 2010. – 395 с. 192-194
25. Дневники императора Николая II: том II, 1905-1918 гг.[электронный ресурс] – режим доступа: http://4itaem.com/book/dnevniki_imperatora_nikolaya_II_tom_II_--384140
26. Додолев, Е.Ю. Мессии. Мифологизация религиозных вождей // Новый взгляд. – М. – 1992. - №3. С. 35-64
- 27.Евсин, И.В. Оклеветанный старец. Правда о Григории Распутине / И.В. Евсин, -Санкт-Петербург : «Невская жемчужина», 2004. - с.78
28. Живов, В. Иван Сусанин и Петр Великий. О Константах и переменных в составе исторических персонажей / В. Живов // Новое литературное обозрение. - М.: 1999. - №38. - С. 51
- 29.Житие блудного старца Гришки Распутина / сост. и подгот. текста С. П. Истратовой. – М.: Возрождение, 1990. - 542, [2] с.
30. Илиодор Святой черт. Тайна Григория Распутина / Илиодор. – Пермь : 1991. - 252 с.
31. Ключев, Н.А. Стихи: сборник / Н.А. Ключев, С.А. Клычков, П.В. Оршин. – М.: Синергия, 1997. – 447 с.
32. Князькин, И.В. Распутство Распутина / И.В. Князькин – М. : АСТ, 2006. – 430 с.
33. Колоницкий, Б. Трагическая эротика: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны / Б. Колоницкий – М. : Новое литературное обозрение, 2010. – 664 с.

34. Коковцов, В.Н. Из моего прошлого : Воспоминания [министра финансов России], 1903 - 1919 гг. : В 2 кн. Кн. 2 / Примеч. А. Г. Голикова, 1992. - 456 с.
35. Лаппо-Громадченко, И.Г. Мифологизация личности / И.Г. Лаппо Громадченко // Роль личности в истории: реальность и проблемы изучения: науч.сб. / редкол. В.Н. Сидорцов. – Минск : БГУ, 2011. – С. 44-47
36. Левкиевская, Е.Е. Русская идея в контексте исторических мифических моделей и механизмы их образования // Современная российская мифология. / Сост. М.В. Ахметова. - М., 2005.
37. Лейкина-Свирская, В. Р. Русская интеллигенция в 1900-1917 годах / В. Р. Лейкина-Свирская. – М.: Мысль, 1981. – 283 с.
38. Мелетинский, Е. М. Избранные статьи. Воспоминания / Е. М. Мелетинский ; отв. ред. Е. С. Новик. - М: РГГУ, 1998. - 576 с.
39. Миф и художественное сознание XX века / отв.ред. Н.А. Хренов. – М.: Гос. инст-т искусствозн., 2011. – 686 с.
40. Мойнехен, Б. Григорий Распутин / пер. с англ. Л. Б. Папилиной. - Смоленск: Русич, 1999. - 592 с.
41. Николай II "Он всех простил...". Император Николай II. Церковь о царской семье: материалы Синодальной Комиссии по канонизации святых Русской Православной церкви. Житие и страдания Святых Царственных страсотерпцев Николая II и его семьи, 2002. – 221 с.
42. Никонов, В. А. Словарь русских фамилий / В. А. Никонов ; [сост. Е. Л.Крушельницкий] – М.: Школа-Пресс, 1993. - 222 с.
43. Оксиковский, В.С. Песни поэта / В. Оксиковский – М.: В.А. Стрелецкий, 2007. - 168 с.

44. Оклеветанный старец, в 2 частях / общество памяти игумении Таисии. - С-Птб.: Двойник, 2004. - 78 с.
45. Ольденбург, С. С. Николай II: его жизнь и царствование / Ольденбург С. С. – М.: Эксмо, 2010. – 429 с.
46. Павловский, И. В. Иван Грозный: к вопросу о дискуссии в средствах массовой информации // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. - 2011. - № 2. - С. 42-52
47. Пикуль, В.С. Нечистая сила / В.С. Пикуль. - Красноярск : Книжное издательство, 1989. - 763 с.
48. Письма императрицы Александры Федоровны к императору Николаю II (1914 — 1916) / перевод с английского В.Д. Набоков. – Берлин : «Слово», 1922. – 252 с.
49. Платонов, О.А. Терновый венец России. Пролог царевубийства. Жизнь и смерть Григория Распутина / - М.: Алгоритм, 2001. - 325 с.
50. Платонов, О. А. Последний государь: жизнь и смерть / О. Платонов. – М.: Алгоритм, 2005. – 636 с.
51. Путилов, Б.Н. Мотив как сюжетобразующий элемент // Типологические исследования по фольклору. Сборник статей в память В.Я. Проппа / Б.Н. Путилов. - М. : Азбука, 1975. – 235 с. [141-155]
52. Пуришкевич, В.М. Убийство Распутина: Из дневника В. М. Пуришкевича / В.М. Пуришкевич. – М: Эксмо, 1990. - 62 с.
53. Пуришкевич, Владимир Митрофанович. Дневник "Как я убил Распутина" / В. Пуришкевич. – М.: Советский писатель, 1990. – 140 с.
54. Радзинский, Э.С. Николай II. День последний / Э.С. Радзинский – М. : АСТ: АСТ Москва, 2007. – 286 с.

55. Радзинский, Э. С. Распутин: жизнь и смерть / Э. С. Радзинский. – М.: Феникс, 2007. – 510 с.
56. Рожков, В.Е. Пророки и чудотворцы: этюды о мистицизме / В.Е. Рожков. – М.: Издательство политической литературы, 1977. – 190 с.
57. Распутин Григорий в воспоминаниях участников и очевидцев : из материалов Черезвычайной комиссии. Показания свидетелей. Илиодор, Е.Джанумова, А.Вырубова, О.Лахтина, С.Белецкий, В.Пуришкевич, А.Протопопов – М. : Банксервис, 1990. - 78 с
58. Распутина, Матрёна. Распутин. Почему?: Воспоминания дочери / Матрёна Распутина. –М.: Захаров, 2000. - 382 с.
59. Руководство по психотерапии / под ред. В. Е. Рожнова. - Ташкент : Медицина УзССР, 1979. - 638 с.
60. Солоневич, И.Л. Народная монархия / И.Л. Солоневич [Сост. П. Иванов] – М.: РИМИС, 2003. – 606 с.
61. Солоневич, И.Л. XX век. Так что же было? / И.Л. Солоневич. –М.: Феникс, 2009. - 493 с.
62. Терещук, А.В. Григорий Распутин: Последний "старец" Империи / А.В. Терещук. – М.: Посев, 2006. – 525 с.
63. Труайя, А. Распутин / А. Труайя. - М. : Ростов-на-Дону, 1997. - 256 с.
64. Тэффи, Н.А. Смешное в печальном. Рассказы, роман, портреты современников / Н.А. Тэффи. - М. : Советский писатель, 1992. - 512 с. [379-404]
65. Тюпа, В. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. - Новосибирск. - 2002. - № 1. - С.27-35.

66. Фирсов, С. Л. Николай II. Пленник самодержавия / С.Л. Фирсов. – М.: Молодая гвардия, 2010. – 524 с.
67. Хереш, Э. Распутин: Тайна его власти / Элизабет Хереш. – М.: Олма-Пресс, 2006. - 314 с.
68. Хрусталеv, В. М. Тайны «великого старца». Романовы. Падение династии / В.М. Хрусталеv. - М.: АСТ, 2014 с.
69. Шавельский, Г.И. (1871 - 1951). Воспоминания последнего Протопресвитера русской армии и флота. Т. 2 / Г.И. Шавельский. – М.: Крутицкое Патриаршее подворье 1996. - 412 с.
70. Шапошник, В. В. Иван Грозный: Первый русский царь / В. Шапошник. - Санкт-Петербург : Вита Нова, 2006. – 492 с.
71. Шенк, Ф.Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263 — 2000) / Ф.Б. Шенк. - М.: Новое литературное обозрение, 2007. - 592 с.
72. Энциклопедия символов / сост. В. М. Рошаль. – Санкт-Петербург : Сова, 2008. - 1007 с.
73. Юсупов, Ф. Ф. Конец Распутина: воспоминания / кн. Ф. Ф. Юсупов. – М.: Отечество, 1990. - 246 с.